

ЧОН ЮЧЖОН

Страшный звук, будто разверзлась земля,
сотрясал все окрестности.

Поднявшаяся вода обрушилась на мост.
Брызги падали, как дождь.

СЕМИЛЕТНЯЯ НОЧЬ

18+

К-триллер

Чон Ючжон

Семилетняя ночь

«Издательство АСТ»

2011

УДК 821.531-31
ББК 84(5Êîð)-44

Ючжон Ч.

Семилетняя ночь / Ч. Ючжон — «Издательство АСТ»,
2011 — (К-триллер)

ISBN 978-5-17-111189-2

«Семилетняя ночь» рассказывает историю молодого человека по имени Совон, который пытается разобраться в событиях одной роковой ночи, произошедшей семь лет назад. Хёнсу, отец Совона, – в прошлом успешный игрок популярной бейсбольной команды, на чьей карьере поставило крест тяжелое неврологическое заболевание. В ту ночь он, находясь в состоянии опьянения – а он выпивает постоянно, – возвращаясь домой, сбивает на машине маленькую девочку. Погружаясь с каждым днем все глубже в алкогольный дурман, чтобы попытаться забыть об этой драме и своей загубленной жизни, он будет вынужден все-таки противостоять угрозе: его сына преследует отец погибшей девочки – человек жестокий и развращенный, обуреваемый жадой мести... Это дуэль между двумя мужчинами, показанная в лучших традициях триллера – жанра, который принес международную известность корейскому кинематографу. Благодаря резким сменам планов, чередованию света и тьмы перед нами раскрываются личности двух отцов: каждый из них поочередно становится то палачом, то жертвой, пребывая в состоянии крайнего напряжения. В стремительном ритме, от которого перехватывает дыхание, автор романа Чон Ючжон подводит читателя к неожиданной развязке, завершая эту страшную ночь, продлившуюся целых семь лет. Роман Чон Ючжон «Семилетняя ночь» – мировой бестселлер и одно из самых популярных ее произведений. Сюжет романа также лег в основу фильма – остросюжетного триллера, получившего международное признание.

УДК 821.531-31

ББК 84(5Êîð)-44

ISBN 978-5-17-111189-2

© Ючжон Ч., 2011

© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Пролог	8
Деревня с маяком	10
1	10
2	20
3	23
Озеро Серёнхо I	31
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Чон Ючжон

Семилетняя ночь

Печатается с разрешения автора и литературных агентств KL Management, Barbara J Zitwer Agency и Prava I Prevodi International Literary Agency

This book is published with the support of the Literature Translation Institute of Korea (LTI Korea)

При поддержке Культурного центра Посольства Республики Корея

Серия «К-триллер»

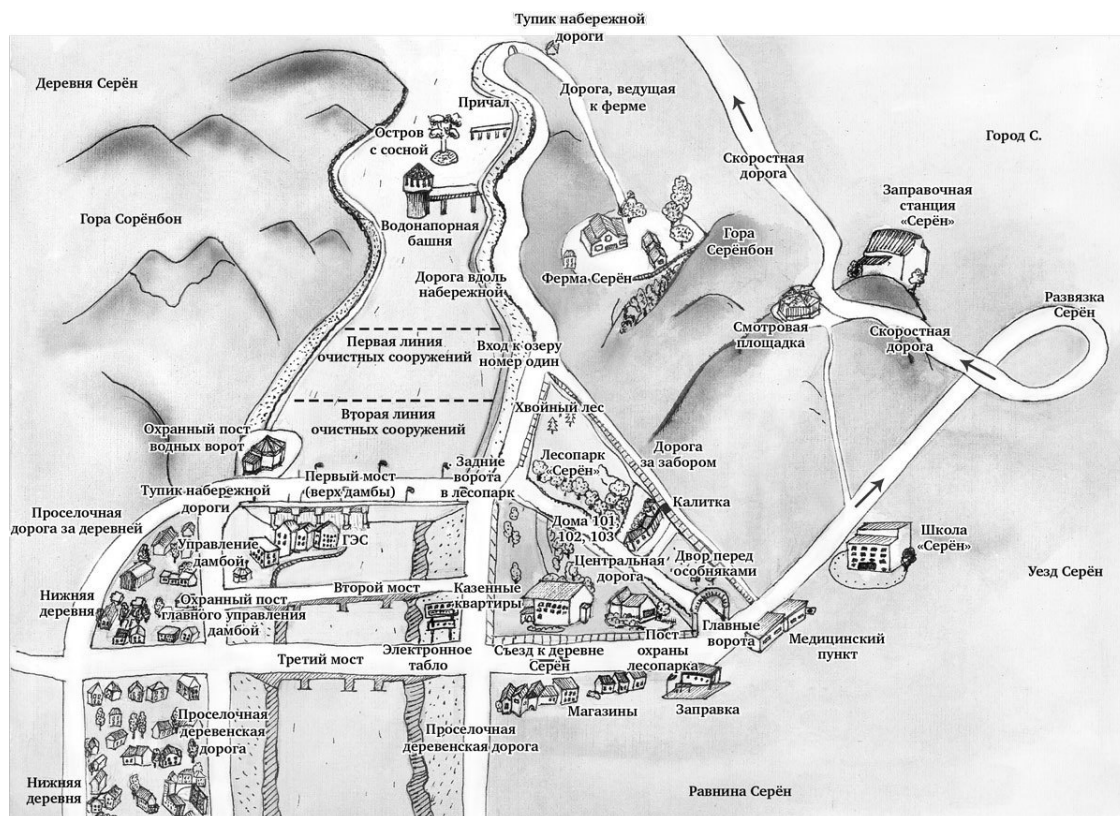
Copyright © 2011 by You-jeong Jeong

© All rights reserved.

© Погадаева А. В., Чун Ин Сун, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Основные герои

ЧХВЕ ХЁНСУ – начальник охраны на дамбе у озера Серёнхо. Бывший бейсболист, игрок команды «Файтерс»

КАН ЫНЧЖУ – жена Чхве Хёнсу

ЧХВЕ СОВОН – сын Чхве Хёнсу и Кан Ынчжу

КАН ЁНЧЖУ – младшая сестра Кан Ынчжу

АН СЫНХВАН – охранник на дамбе у озера Серёнхо, сосед по комнате Чхве Совона, его друг и старший наставник

О ЁНЧЖЭ – владелец лесопарка «Серён» и медицинского центра в городе С., зубной врач

МУН ХАЁН – жена О Ёнчжэ

О СЕРЁН – дочь О Ёнчжэ и Мун Хаён

МЁН ИНА – подруга Мун Хаён

ПАК – охраннык на дамбе у озера Серёнхо, коллега Ан Сынхвана

Пролог

Я был исполнителем смертной казни своего отца.

Рассвет 9 декабря 2004 года – последний миг, когда я был на стороне отца. В то время я ничего не понимал. Не осознавал, что отца арестовали, что мать погибла и вообще, что случилось в ту ночь. Я просто чувствовал смутное беспокойство. То, что произошло что-то нехорошее, дошло до меня только после того, как я вместе с соседом, державшим меня за руку, вышел из загона на ферме.

Дорогу, ведущую к ферме, перекрыли две полицейские машины. Из-за вращающихся сине-красных мигалок казалось, что ольховый лес покрыт синяками и кровоточит. В лучах света роилась мошкара. Небо было ещё тёмным, стоял очень густой туман, и я дрожал от сырого утреннего воздуха. Сосед дал мне мобильник и тихо велел его сохранить. Нас посадили в полицейскую машину.

За окном царил хаос. Обвалившийся мост, затопленные дороги, разрушенные улицы. Беспорядочно припаркованные пожарные и полицейские машины, кареты «Скорой помощи». Кружащие в тёмном небе вертолёты. Деревня, которую называли Нижней от дамбы, и район, где моя семья прожила две недели, превратились в сущий ад. Что же случилось? Мне некого было спросить. Я не смел даже взглянуть на соседа, боясь услышать страшный ответ.

Машина остановилась у полицейского участка города С. Один из полицейских сразу увёл соседа в конец коридора, а я в сопровождении другого стража порядка пошёл в противоположную сторону. В маленькой комнате меня ждали два следователя.

«Тебе нужно говорить только то, что ты видел, – сказал следователь в синей рубашке. – Не нужно говорить то, что ты слышал от кого-то или выдумал сам. Понял?»

Я понял. Я также понял, что сейчас мне нельзя плакать и бояться. Если я хочу спасти соседа, встретиться с отцом и убедиться, что с матерью ничего не случилось, нужно просто спокойно рассказать обо всём, что произошло прошлой ночью. Так я оценил ситуацию. Следователи молча выслушали мой рассказ.

«Давай подведём итог сказанному. Человек, который в тот день притащил тебя к озеру, не твой отец, а сотрудник охранной фирмы», – сказал мужчина в голубой рубашке. Я ответил, что да.

«До того, как сосед пришёл спасти тебя, ты играл у озера в прятки с девочкой, которая погибла две недели назад».

«Нет, не в прятки. Мы играли в «Расцвели цветы, скорее лови».

Оба следователя молча уставились на меня. Их глаза говорили о том, что они мне не верят.

Спустя некоторое время следователь в синей рубашке вывел меня в приёмную у входа. Он сказал, что мой дядя, брат отца, ждёт меня у машины. Всё пространство от входа до парковки было заполнено журналистами. Следователь взял меня под локоть и повёл через толпу. Каждый наш шаг сопровождали вспышки фотоаппаратов. Журналисты кричали: «Подними голову. Посмотри сюда. Ты видел отца? Где ты был?»

У меня закружилась голова, и тошнота подступила к горлу, следователь ускорил шаг.

В какой-то момент мне показалось, что меня зовёт сосед, и я вырвал руку, оглядываясь назад. Я искал среди множества лиц лицо соседа; в это короткое мгновение все начали меня фотографировать, ослепляя вспышками. В их поблёскивающем море я был похож на одинокий остров.

Дядя открыл заднюю дверь машины. Я, съёжившись, сел в углу возле окна и открыл мобильник соседа. На экране появилась заставка: дорога возле дома, окутанная густым туманом; горят уличные фонари, и по дороге, обсаженной туями, идёт здоровенный мужчина с

мальчиком. Мужчина держит в руках школьный ранец, рука мальчика прячется в заднем кармане мужчины. Это были мы с папой. Утром десять дней назад. Наверно, сосед сфотографировал нас с отцом.

Я закрыл мобильник и крепко сжал его в руке. Я уткнулся лицом в колени и изо всех сил старался не расплакаться.

То, что произошло прошлой ночью, люди стали называть трагедией на озере Серёнхо. Моего папу нарекли маньяком-убийцей. А меня – сыном маньяка-убийцы. Тогда мне было двенадцать лет.

Деревня с маяком

1

Чёрный фургон остановился перед моей аптекой. Мужчина в солнцезащитных очках марки «Рэй Бэн» вышел из машины со стороны водителя и направился в аптеку. Его попутчики остались в автомобиле. Было около трёх часов дня, поздний обед. И я как раз собирался поесть рамён¹. Я только закончил уборку и сильно проголодался. Но пришлось встать и принять посетителя.

«Эй, мальчишка, я хочу кое-что спросить», – сказал Рэй Бэн, сняв очки. Его взгляд был направлен на мои коротко стриженные, как у школьника, волосы. Я положил палочки рядом со стаканчиком рамёна. Ну, давай поскорее, спрашивай.

«Какая дорога ведёт к Деревне с маяком? На дорожных указателях я не нашёл это название».

Рэй Бэн очками в руке указал на перекрёсток перед аптекой. Я посмотрел на его фургон. Он был большим и мощным. Вроде бы «шевроле».

«Так ты не знаешь, где Деревня с маяком?»

Я не был школьником, я был простым продавцом в аптеке. Хозяин аптеки был со мной на «ты» и обращался ко мне «эй, Чхве». Пусть я и не богач, но и на какой-то там «шевроле» засматриваться бы не стал. На фамильярное обращение незнакомца я тоже не обиделся. Хозяйина аптеки не было, и я просто из любопытства также задал вопрос:

«А что, навигатора нет?»

«Непонятно, что ли? Спрашиваю, так как навигатор её не находит...» – По выражению его лица было видно, что он еле сдержался, чтобы не назвать меня «тупицей», заканчивая предложение.

Я тоже не стал называть его «тупицей» и сказал: «Раз навигатор не справился, что же вы в аптеке спрашиваете?»

«Шевроле» поехал прямо и исчез из виду. Я начал есть рамён. Пообедав, я вспомнил, что в навигаторе Деревня с маяком обозначена как Синсонни. Чтобы проехать туда, надо свернуть налево. Кстати, я тоже житель этой деревни.

Название нашей деревни и на карте-то не найти. Наверное, картографы посчитали нашу богом забытую деревушку недостойной быть нанесённой на карту. Мой сосед говорил, что это «клочок земли на полуострове Хвавон». Хозяин аптеки называл её «глухой деревней, где даже автобус не останавливается». А председатель молодёжной организации моей деревни обзывал это место «концом света», откуда даже за тапочками надо идти за тридевять земель. Наверно, все они правы. Деревня стоит на обрыве, добраться туда можно, только проехав больше пятнадцати километров вдоль безлюдного морского побережья. Маяк возвышается на самом краю обрыва, похожего на клюв птицы. В море перед деревней повсюду из воды выглядывают скалы, а с другой стороны деревню окружают высокие, далеко протянувшиеся каменистые горы.

Однажды я с соседом поднялся на вершину: оттуда можно было увидеть землю за морем напротив полуострова. Земля эта была очень обширная, как море, но пустынная, без единого дерева. Её приобрело правительство для создания туристического комплекса, но пока она пустовала. Я слышал, что когда-то там росло сорго, а на краю поля была маленькая деревушка. Сейчас её уже нет. Дети из той деревушки и стали называть Синсонни Деревней с маяком.

¹ Суп с лапшой.

Деревня с маяком тоже пришла в упадок, и в скором времени ей суждено исчезнуть с лица земли. В ней проживает всего двенадцать человек, включая «детей» (соседа и меня). Средний возраст её обитателей составляет 69 лет. Они живут, выращивая батат. Конечно, есть море, но рыбачить некому. Когда не хватает продуктов для супа или закусок к водке, жители отправляют на ловлю рыбы «детей». И тогда мы с соседом выходим в море. Согласно метрическим записям, последний ребёнок родился в этой деревне 61 год назад. Именно этот младенец был теперь председателем молодёжной организации, владельцем единственной в деревне лодки, а также хозяином небольшой частной гостиницы, где мы с соседом арендуем комнату. Постояльцами гостиницы в основном являются дайверы, которые как-то находят путь к этому безлюдному месту. Их особенно привлекают подводные рифы. Мы с соседом, как и они, приехали сюда когда-то понырять, но остались надолго. Думаю, команда того «шевроле» тоже приехала, повинаясь зову здешних рифов. Хотел бы я ошибаться, но думаю, что так оно и есть.

Около семи часов вечера пришёл хозяин аптеки и открыл сейф, намекая тем самым, что я могу уйти с работы. Втайне от хозяина я взял упаковку тонизирующего средства и пластыри. Если кто-то скажет, что накануне святого Рождества такое поведение непростительно, то у меня есть что возразить. У моего 40-летнего соседа почти не осталось волос на макушке и начали седеть брови. С каждым днём он теряет сноровку, когда мы соревнуемся у скал. Наши соревнования состоят из трёх раундов, а правила очень простые. Сначала на лодке председателя молодёжной организации мы плывём к западной скале. Там мы бросаем якорь и брассом огибаем скалу. Второй раунд: мы ныряем с западной стороны и собираем моллюсков, асцидий и трепангов, наполняя ими металлические садки. Наконец, третий раунд: мы бросаем баскетбольный мяч в корзину, закреплённую на стволе сосны, что венчает утёс. Кто первым попадёт пять раз, тот выигрывает.

Сосед за последнее время проиграл девять раз из десяти. На прошлой неделе, во время попытки подпрыгнуть и повиснуть на корзине, у него свело шею. В этом он обвиняет меня, говоря, что какой-то «трусливый тип» зажал ему голову.

«Я пошёл», – сказал я, покидая аптеку, и сел на велосипед. Как только я проехал перекрёсток, я прибавил скорость, привстав и усиленно нажимая на педали. Я мчался очень быстро вдоль кромки обрыва, нависающего над морем. Ночь была безлунная, но было не так темно. Небо усеяли звёзды. Море отражало их свет, и казалось, оно сладко спит. Бьющиеся о стену обрыва волны, молчаливо летающие в темноте серебристые птицы, морской туман, поднимающийся от валунов на берегу, тёмные тени утесов. Очень хотелось бы добавить «лёгкий морской ветерок»... Но, к сожалению, в лицо мне бил страшный, пронизывающий ветер. Когда я приехал домой, было ощущение, что от меня остался один скелет.

У забора стояли фиолетовый грузовичок соседа и чёрный фургон «шевроле». Я припарковал между ними свой велосипед. Из-за забора был слышен голос соседа. Он говорил так, что было сразу понятно, что пускаться в разговор ему совсем не хочется. Голос звучал монотонно, будто он читал какой-то занудный текст.

«У скал очень сильное переменчивое течение. Иногда там неожиданно образуется вертикальный поток, падающий вниз. Под водой очень сложный рельеф, как лабиринт. Тем более сейчас, во время прилива и ночью, а вы ещё и выпивши...»

«Слушайте, вы, – прервал кто-то соседа. – Кто вы такой, вышли к нам полураздетым и ещё учите нас, что делать».

Но сосед все-таки закончил фразу.

«Пьяные должны не в море идти, а в постель».

Я вошёл через ворота. Посреди двора друг напротив друга стояли две команды. Команда «шевроле» в водолазных костюмах против команды, состоявшей из соседа в одной футболке и тапочках и председателя молодёжной организации. Соотношение сил четыре к двум. У соседа глаза и так были припухлыми, а сейчас ещё и полуприкрытыми. Я подумал, что он спал, пока

не явились незваные гости. Председатель, который наверняка разбудил моего соседа, сгорбившись, стоял у него за спиной.

«Мне кажется, в постель должны идти не мы, а тот, кто в одной футболке и весь дрожит», – парировал на замечание моего соседа Рэй Бэн.

«Вы когда-нибудь совершали дрифт-дайв² ночью со скалы?»

Рэй Бэн рассмеялся. Наверно, так расхохотался бы Рональдо, если бы его спросили, умеет ли он отбивать мяч головой. Три его напарника тоже рассмеялись. Сосед, скрестив руки, опустил взгляд на землю и сказал: «Когда лидер безрассудный, обязательно быть беде».

«А когда не в своё дело суёшь нос, из него непременно пойдёт кровь», – Рэй Бэн провёл большим пальцем по носу. Его команда опять засмеялась. Один даже на ногах не удержался и сел на землю. Я подумал, что он не просто выпил, а принял какие-то наркотики. Мой сосед кусал губы и смотрел на Рэй Бэна. Я понимал, что он прикидывает в голове, каковы у них шансы в драке. По моим расчётам, арифметика здесь была простая: соотношение четыре к двум говорило за то, что команде соседа крышка.

«Молодой человек, зачем вы грубите?» – председатель молодёжной организации, уважающий моего соседа и называющий его писателем, встал на его защиту.

«Это же уважаемый писатель. Он вышел сюда не от нечего делать. Он хочет предотвратить большую беду. Он самый лучший ныряльщик в нашей деревне. Когда он говорит «невозможно», значит, невозможно. С наступлением утра я вас отвезу туда сколько угодно раз. Десять-двадцать. Но сегодня давайте не будем...»

Рэй Бэн плюнул на землю и добавил «сука» – казалось, он сейчас начнёт стрелять.

«Никак вы не поймёте. По контракту мы заказчики, мы и музыку заказываем». – При этом Рэй Бэн указательным пальцем ткнул председателю в лицо.

«Вы, старик, подчинённая сторона. Мы заплатили. Значит, вы посадите нас в лодку. Окей?»

Я вошёл, громко закрыв ворота пяткой. Чтобы отвести соседа обратно в комнату, надо как-то разрулить это противостояние. Хотя председателя, наверно, не спасёшь.

«Ой, когда ты пришел, малыш? – оглянулся председатель, а за ним сосед и команда «шевроле».

«Посмотрите-ка, кто пришёл. Это же тот самый уважаемый продавец из аптеки».

Рэй Бэн сразу узнал меня. Я сказал соседу: «Давайте отойдём, поговорим».

Рэй Бэн преградил ему путь.

«И как же наш уважаемый продавец нашёл этот дом? А сказал ведь, что не знает Деревню с маяком».

Зато я знаю, где находится наша комната. Первая дверь в этом доме, построенном в форме буквы «Г». В комнате большое окно, выходящее на дорогу, и оттуда хорошо видны маяк и море. Я повернул туда.

«Твой хозяин, наверно, ещё не знает, какой тупица, даже не знающий, где его дом, работает у него продавцом. И кстати, какие отношения между господином писателем, лучшим ныряльщиком в футболке, и тупым продавцом из аптеки? На отца и сына вы не похожи. Может быть, познакомились случайно и стали сожителями?»

Рэй Бэн издевался над нами, а его команда хихикала. Я продолжал идти, игнорируя его слова. Да, я разбил его планы относительно драки, но разбивать морду Рэй Бэну не собирался.

«Вы сами решайте, мне больше нечего сказать», – сказал сосед хозяину гостиницы.

Так он завершил стычку. Мы вместе вошли в комнату. Закрывая дверь, мы услышали улюлюканье и свист. Затем послышался крик председателя, и раздался звук заведённой

² Дрифт-дайв – подводное погружение в сильное течение.

машины. Я подумал, что всё-таки они решили уехать. Однако я ошибся. По крайней мере, сразу они не уехали.

Крики команды «шевроле» походили не то на смех, не то на вопли Тарзана. Зажглись фары, из машины раздалась дурацкие рождественские песенки Ёнгу³.

Я занавесил окно. Это был гол в свои ворота. Теперь-то они не сомневаются, что мы сожители. Получилось, что соперники выиграли, я подарил им одно очко. После этого они стали стучать по окну так, что дрожали стёкла. На фоне по-прежнему звучали песенки Ёнгу.

Сосед сел за стол, я снял носки, спустя пять минут команда «шевроле» отошла от нашего окна.

«Кто они такие?» – спросил я низким голосом, словно только что пробудившись ото сна. У соседа был похожий голос.

«Кто-кто? Похоже, больные на голову».

«Зачем хозяин их поселил?»

«Да у него такое положение. Выбирать особенно не приходится. За месяц первые постояльцы».

«А тебя-то он зачем позвал?»

«Чтобы я их остановил. Они же пьяные и требуют лодку».

Сосед ненадолго задумался и спросил:

«Они же наверняка не послушали бы меня? Так?»

Он был как богомол, который поднимает одну лапку, пытаясь остановить бульдозер. Я достал из сумки тонирующее средство и протянул соседу. Он принялся громко ругать меня.

«Зачем ты крадёшь? А если у меня будут какие-нибудь побочки, ты будешь отвечать?»

«Да, конечно, побочный эффект налицо – волосы растут как грибы. Ну, если уж ты хочешь быть рассудительным святошей, я сам его выпью».

Сосед быстро выхватил пакетик. Я пошёл мыться.

Говорят, что перед грозой кошки испытывают беспокойство. Человеческий мозг ощущает нечто подобное. В предчувствии беды места себе не находишь. Я лёг спать, но никак не мог уснуть. Под звук стучащей секундной стрелки часов я начал возвращаться в прошлое. Именно в этот день семь лет назад. В те самые мгновения, когда я расстался с соседом в полицейском участке.

Маму кремировали, не устраивая похорон. Меня отдали младшему брату отца. В школу я не ходил, потому что в первый же день в новой школе я сразу понял, что больше ходить туда не смогу. Дети в классе лучше меня самого знали, кто я такой. Я был для них сыном маньяка, который свернул шею девочке и убил дубинкой её отца. Маньяка, который убил собственную жену, бросив её труп в реку. Маньяка, открывшего створы дамбы и утопившего половину жителей деревни и четырёх полицейских. А я в ту безумную ночь выжил.

Двоюродные сёстры плакали, говоря, что одноклассники к ним относятся так же. Дядя, который работал физиотерапевтом в частной клинике, был вынужден уволиться с работы. Тётя сказала, что хозяин дома потребовал, чтобы они съехали. И семья дяди, скрываясь, переехала в квартиру в городе Санбон. Мне выделили заднюю комнату с верандой. Тётя очень боялась, что соседи узнают, что я у неё живу. Двоюродные сёстры даже не хотели пользоваться со мной одним туалетом. Если мы случайно встречались в квартире, они начинали орать. В тот момент я каждый раз замирал на месте. Я бы никак не мог изменить их отношение к себе: будь даже у меня гены Казановы или привлекательная внешность. Всё, что мне оставалось, – это сидеть, закрывшись в своей комнате.

³ Ёнгу – корейский комик, выступающий в амплуа дурачка. В частности, он исполнял рождественские песни, искажая их смысл.

Я выходил из комнаты только тогда, когда никого не было дома или когда все спали. Если оставалось что-нибудь съестное, я ел. Если еды в доме не было, то голодал. Тогда же я ходил в туалет и мылся. Помыться было для меня своеобразным ритуалом. Во время мытья я убеждался, что я не монстр, вызывающий страх или отвращение. Две руки, две ноги, два глаза, как у всех, – и я успокаивался.

Возвращаясь в комнату, я проводил время, сидя у окна, съёжившись. При этом я либо спал, либо смотрел в окно, либо мечтал. Я скучал по соседу, и хотелось бы знать, звонил ли он мне. Хотя даже если и так, я не смог бы ответить на его звонок и потому чувствовал безысходность. Сотовый соседа дядя выбросил – разбил о стену, сказав, что, если я не хочу оказаться на улице, лучше не связываться с людьми, близкими к отцу.

Спустя три месяца дядя отправил меня к своей старшей сестре. А она через три месяца отвезла меня ко второй тётке... Куда бы меня ни отправляли, везде моё положение было одинаковым. Лишь с небольшим отличием – периодически я мог ходить в школу. Со временем происшествие на озере Серёнхо потихоньку начало забываться. Всё меньше становилось людей, которые меня узнавали. Я переставал ходить в школу либо по прошествии трёх месяцев (столько я жил в каждой семье), либо когда про меня узнавали в школе. Единственный человек, который жалел меня, была сестра моей мамы. В её доме я даже прожил на месяц дольше, чем у других. Но спустя четыре месяца тётка отправила меня к своему брату со словами: «Совон, прости меня». Я до сих пор иногда вспоминаю слёзы в её глазах и думаю: если бы не её муж, она бы и сейчас заботилась обо мне.

Её муж меня страшно ненавидел. Каждый раз, когда он возвращался домой подвыпивши, он вытаскивал меня из комнаты и бил кулаками, словно сумасшедший. Он отталкивал тетю, пытавшуюся защитить меня, и кричал, чтобы она убиралась прочь вместе со мной. До сих пор не могу забыть слова дяди, доносившиеся из комнаты за день до моего отъезда.

«Ты когда-нибудь смотрела ему прямо в глаза? Ты когда-нибудь видела, чтобы он плакал? У него глаза не меняются, даже когда его ругают или бьют. Он безучастно смотрит на тебя, и это пугает. Это не глаза ребёнка. Он ещё такое натворит! Я больше не могу с ним жить, мне страшно. Завтра же отправь его к своему брату».

Был первый день января, мела метель, прошло ровно три месяца в доме дяди. Когда я уже стоял на пороге, он протянул мне несколько купюр в тысячу вон.

«Ты ведь сам сможешь добраться до дома дяди в Санбоне?»

Я подумал, что, раз я помню адрес, то как-нибудь справлюсь. Я кивнул в ответ. Дядя извинился, что не может отвезти меня туда. В тот день он должен был переезжать, но куда, он мне не сказал. Я закинул на плечи школьный портфель, взял в руку сумку с одеждой, надел шапку и вышел. На улице дул пронизывающий ветер. Из-за снега, который прошёл ночью, дорога была скользкой. Руки мёрзли, а кончик носа ныл, будто по нему кто-то ударил. Я не хотел никого умолять, чтобы мне дали возможность жить в одном с ними доме. Да и семьи, где я захотел бы остаться навсегда, попросту не было. Я снова вспомнил соседа.

Потом я узнал, что родственники поровну разделили моё наследство и забрали его себе в качестве платы за моё содержание. Это были сбережения мамы и деньги, полученные по страховке. И за нашу новую квартиру в городе Ильсан, где наша семья и дня не прожила. Наверное, во столько обошлось их терпение, то, что они сносили меня целых три месяца. Было бы денег больше, относились бы лучше.

Я заблудился, поэтому путь до Санбона занял почти пять часов. Когда я нажал кнопку звонка, в домофоне раздался незнакомый женский голос.

«Кто там?»

Я назвал имя дяди. Женщина ответила, что таких в этом доме нет. Я подумал, может, я ошибся адресом, и проверил номер квартиры. Я даже вышел из подъезда и сверил номер корпуса дома. Адрес был верным. Просто сменился владелец квартиры. Я быстро побежал

к телефонной будке у входа в микрорайон. Набрал номер и услышал сообщение, что такой номер отсутствует. То же самое было с братом мамы. Его домашний телефон и сотовый не существовали. В этот момент я осознал страшную реальность. Дядя втайне переехал, пока вновь не подошла его очередь принимать меня у себя. А мамин брат, зная обо всём этом, всё равно отправил меня к нему. У меня не было сомнений, что и маминого брата уже след простыл. Я позвонил остальным дядям и тётям, но дозвониться никому не смог.

Я не знал, что делать. Мне было страшно. Метель задувала даже в телефонную будку, а, кроме осенней куртки, на мне ничего. Джинсы были короткими, из-под брючин выглядывали голые шиколотки. Кроссовки были мне малы, поэтому я носил их с заломанным задником. Я весь день ничего не ел и был страшно голоден. У меня осталась одна монетка в сто вон. И телефонный номер, по которому я ещё не звонил, остался только один. Номер мобильного соседа, который разбил мой дядя. Видимо, звонить туда было бессмысленно. Нет телефона – некому ответить. Однако я всё-таки снял трубку: оставалась слабая надежда, что сосед купил новый мобильник, сохранив старый номер...

Раздались гудки. Через некоторое время в трубке послышалось «Алло». Говорили медленно и чётко. Это был сосед. Я сразу его узнал. Как можно было не узнать? Я ни на секунду не забывал его голос. Я не мог ничего сказать в ответ, в горле стоял ком, будто могила внутри выросла. Сосед не бросил трубку и настойчиво спрашивал: «Алло! Кто это?»

«Это я», – еле выговорил я. На этот раз по ту сторону провода затихли. Я набрался смелости и добавил: «Твой сосед по комнате!»

Час, пока я ждал грузовичка, приехавшего за мной посреди метели, показался мне целой вечностью.

Сосед жил в городе Ансан. Когда я вошёл в его студию, у меня возникло ощущение, что я вернулся в прошлое. У него было всё так же, как во времена, когда мы жили вместе в одной комнате. На столике лежали ноутбук, книга, ключи, кошелёк и зелёная пачка сигарет, стояла банка пива. Повсюду были приклеены жёлтые стикеры. Сам сосед тоже не изменился. Короткая стрижка с проседью, чуть улыбающийся рот. Всё та же привычка бросать где попало носки. Но кое-что изменилось: раньше он был писателем, а теперь писал на заказ для других.

Сосед не спросил, как я жил до сих пор. Наверно, мой вид говорил сам за себя. Он даже не спросил, что случилось с его сотовым. Сказал только, что он ждал моего звонка, надеясь, что я хотя бы разок ему позвоню. Я поспешил в туалет, мне не хотелось, чтобы он увидел моё лицо. Я не хотел, чтобы он знал, как я рад, что он до сих пор живёт один, что он не женат. И насколько я боюсь, что он через несколько дней найдёт кого-нибудь из родственников и меня к ним отправит.

К концу зимы сосед завершил все необходимые процедуры и стал моим опекуном. По бумагам меня якобы усыновил его старший брат. Я не знаю, как он этого добился. Я никогда не видел своего приёмного отца. Ни разу о нём не спрашивал, да и знать не хотел. Я только хотел быть уверенным, что сосед меня не бросит.

Я стал учиться в школе. Я старался изо всех сил. Это было единственное, что я мог делать сам. Про себя я пообещал соседу быть хорошим. Он с удовольствием помогал мне в учёбе. Конечно, была и другая сторона медали: я боялся, что он меня бросит.

Экзамены во втором семестре я сдал на отлично, заняв первое место в классе и пятое место среди всех учащихся в параллели. В день объявления результатов сосед пригласил меня в мясной ресторан. Мы чокнулись, радуясь моему успеху: я стаканом колы, он пивом. В этот момент по телевизору произнесли имя моего отца. Сказали, что его приговорили к смертной казни. Я уронил стакан.

Именно тогда я понял, что где-то в глубине души теплилась надежда, что, возможно, отец не преступник, что, возможно, он арестован по ошибке и что, если найдут настоящего преступника, я смогу встретиться с отцом. Я вспомнил, что делал, чтобы не потерять эту надежду.

Не смотрел по телевизору новости, не читал газет, не заходил в Интернет. Не спрашивал ни у кого про отца. Я до сих пор толком не знал, что там произошло на самом деле. Конечно, до меня доходили кое-какие слухи. Каким образом он кого-то убил. Сколько человек погибло, какое наказание его ждёт. Это всё, что мне было известно.

Вынесение окончательного смертного приговора отняло у меня эту надежду, похожую на мираж. Посылка, которая пришла на следующий день после обеда, полностью убила во мне возможность жить, не презирая себя. В качестве адреса отправителя значился некий абонентский ящик, а внутри коричневого конверта лежал бульварный журнал «Sunday Magazine». Журнал вышел утром того же дня: одна фотография занимала целую полосу. На ней было изображение мальчика, который повернулся в сторону камеры, плотно сжав губы. Лицо не было заретушировано, поэтому нетрудно было понять, кто там изображён. Это был я, двенадцатилетний мальчик, который стоял под вспышками камер перед полицейским участком города С. На следующей странице была статья под названием «Происшествие на озере Серёнхо». Статья занимала десять страниц. В ней полностью напечатали текст приговора и историю происшествия на озере. Рассказывалось даже о детстве отца, о его двадцатилетней карьере бейсболиста и о его работе после того, как он ушёл из спорта. Эту статью можно было назвать биографией отца или докладом по психологии, так как в ней приводился подробный анализ личности, проведённый одним психиатром. Ещё там было несколько фотографий, сделанных во время следственного эксперимента: на них отец показывал, как совершил убийство. На последней странице была фотография отца после вынесения приговора. Он не закрывал своё лицо и даже голову не опустил. Его глаза не выражали никаких эмоций и смотрели прямо в камеры репортёров. Они как две капли воды были похожи на мои глаза с фотографии на первой полосе.

Я подумал, кто же прислал этот журнал? Подняв голову, я увидел, что передо мной сидит сосед.

«Это же неправда, да?»

Я пришёл в отчаяние, увидев его потухшие глаза.

«Ну, хотя бы не всё, что здесь написано, правда?»

После долгой паузы я услышал ответ соседа: «Факты – это ещё не всё».

«Ты имеешь в виду, что факты могут быть неправдой?»

Иногда молчание – это самый точный ответ. Именно то молчание, которое воцарилось между нами, было таким ответом. Я услышал голос истины в глубине сердца. Сомнений не было, всё было правдой. Я почувствовал, как слёзы навернулись у меня на глаза. И увидел слёзы в глазах соседа.

Журнал ворвался в мою жизнь, как стая саранчи. В понедельник утром, войдя в класс, я увидел, что на каждом столе лежит этот журнал. При моём появлении шумевшие до этого дети все разом затихли. Пока я шёл на своё место, не было слышно ни единого вздоха. Я положил сумку на стол, взял журнал и выбросил его в мусорную корзину в самом конце класса, затем вернулся на место, открыл сумку, достал книгу и сел. Я затылком чувствовал, что все взгляды направлены на меня. Кто-то прямо за мной начал вслух читать статью.

«Казните меня».

Все буквы в книге смешались.

«Маньяк Чхве Хёнсу отказался от адвоката. Даже когда зачитывали смертный приговор, его лицо оставалось безучастным».

Обернувшись, я увидел, кто читал статью. Это был Чунсок. Он всё время заставлял меня покупать ему булочки и обзывал меня Булочником. Когда наши взгляды встретились, он встал с журналом в руках.

«В ноябре 2004 года, когда полиция проводила следственный эксперимент, Чхве Хёнсу снова и снова хладнокровно рассказывал, как убил девочку, как бросил труп своей жены в воду. Все были просто шокированы...»

Я закрыл учебник, взял сумку и встал, направляясь к двери класса. В животе у меня летали бабочки, машущие чёрными крылышками. Мне казалось, что мои ноги совсем не касаются пола. Вихрем проносились лица детей. Чунсок продолжал читать. Было непохоже, что он прекратит чтение. Тогда я решил уйти оттуда, но только после того, как заткну ему рот.

«В то время сын Чхве Хёнсу, которому было 12 лет, прятался в загоне на ферме...»

Поравнявшись с ним, я остановился, Чунсок искоса смотрел на меня. В его глазах были перемешаны отвращение, презрение и насмешка. Я отвёл взгляд и смотрел на кончики своих ног. Чунсок был известным драчуном. И ростом выше и крупнее меня. Броситься на него было равносильно самоубийству. Тем более что никто бы меня не защитил. Единственное, что могло меня спасти, – это быстрая реакция. Ни у кого не могло быть сомнений, кто победит. Чунсока переполняла самоуверенность, а остальные не ожидали, что я нападу. Я сделал шаг и прошёл мимо. Чунсок снова вернулся к статье.

«Мальчик, который еле избежал беды...»

В этот момент я повернулся и сумкой изо всех сил ударил его. Тяжёлая сумка с книгами угодила ему прямо в лицо. С криком Чунсок упал, сшиб стул и ударился затылком о стоявший позади стол. Я не мог упустить этот шанс, молниеносно бросился на него и коленом ударил в грудь. Но это было всё, что я смог сделать. Сзади кто-то ударил меня стулом по голове. Сognувшись и теряя сознание, я видел, как Чунсок катается по полу. И всё погрузилось во тьму. Когда я очнулся, я лежал на полу, а дети были на мне.

Чунсока отвезли в больницу, а меня – в полицейский участок. Конечно, меня могли бы просто отпустить, ведь драка между детьми – дело обычное. Но всё испортили сложившиеся обстоятельства. Имя Чхве Хёнсу, которого люди стали забывать, снова всплыло в связи с приговором. А я, сын маньяка, сломал нос и ребро сыну добропорядочного гражданина. Супруга этого гражданина отказалась уладить дело миром. Полицейские не препятствовали журналистам, ломившимся в полицейский участок. Соседу не удалось ничего сделать, и меня направили в комиссию для малолетних преступников. Через четыре недели разбирательств суд приговорил меня к двум годам условно. Если учесть общественное мнение и настрой людей, можно считать, что я легко отделался. Думаю, я не попал в тюрьму для малолетних благодаря соседу, который приложил все усилия, чтобы уговорить пострадавшую сторону всё же пойти на мировую. Из-за этого он потерял своё жильё, и мы переехали в комнату в полуподвале. Сосед угостил меня тофу⁴ и сказал: «Всё в порядке. Всё уже позади».

Если бы... Это было только начало. В день моего освобождения владельцу комнаты доставили журнал. На этот раз в нём была статья и про меня: рассказывалось, как я четыре недели назад совершил нападение. Владелец потребовал от нас, чтобы мы съехали. А в школе мне велели перевестись. Сосед должен был выбрать: перевести меня в другую школу или вообще позволить мне её бросить.

Так я не смог закончить среднюю школу. Я двенадцать раз переводился и в итоге перестал туда ходить. Среднюю школу я закончил заочно и поступил в старшую. За четыре семестра учёбы в ней я переводился девять раз. Вся правда обо мне открывалась всегда одинаковым способом. Журнал «Sunday Magazine» и копии статей обо мне доставлялись в школу и родительскому комитету, одноклассникам, хозяину комнаты и моим соседям.

Мы превратились в отщепенцев. В основном скитались по портовым городам. Сосед стал всерьёз обучать меня дайвингу. Море подарило мне свободу. Когда я тихо плыл в темноте под водой, в одно мгновение исчезал весь мир. Ничья рука, ничей взгляд, ничей голос не могли добраться туда и не добивались. Надёжная стена отделяла меня от остального мира.

Последняя школа, где я учился, находилась в городе Сокчо. Утром я пришёл на занятия, а на моём столе опять лежал этот журнал, и одноклассники молча смотрели на меня. В

⁴ В Корее людям, вышедшим из тюрьмы, обычно покупают тофу, чтобы они больше туда не попадали.

мире существует несколько вещей, к которым невозможно привыкнуть. Быть безучастным к тому, что все от тебя отворачиваются и нарочно тебя провоцируют. Не давать сдачи, когда тебя избивают. И идти в полном молчании.

Пока я выходил из аудитории, моё тело будто горело синим пламенем. Огонь был холодным и сильным. Пока я миновал двор, а потом, выйдя из ворот, добирался до магазина, где я подрабатывал, этот огонь непрерывно сжигал меня.

В магазине был только владелец, посетители приходили и уходили. На кассе лежала копия статьи из журнала «Sunday Magazine». Я попросил хозяина выдать мне зарплату за месяц. Владелец, отсчитывая деньги, попросил меня подождать. Я ждал и ждал, прошло полчаса, час... Почему-то в этот день было особенно много посетителей. Хозяин ворчал, что я не там стою и мешаю людям. Я отошёл от кассы к задней двери, оттуда к двери склада, а потом ещё дальше. Я не обижался и не краснел.

С тех пор как я оказался в свете вспышек фотоаппаратов, я больше не терялся. С тех пор как я побывал под арестом, перестал сердиться. Я не надеюсь на хорошее отношение, даже если кто-то по-доброму ко мне отнёсся. Поэтому нет ситуации, способной привести меня в замешательство. Конечно, я понимаю, что, когда ты удивлён или испуган или когда тебя оскорбляют, ты должен быть растерянным – это нормальное для человека состояние и здоровая реакция, если ты сердишься. А когда к тебе относятся по-доброму, ты должен также отвечать взаимностью – в этом суть человеческих отношений. Дети моего возраста в основном так и живут. Сосед говорит мне, что я тоже должен так жить. Обычно я отвечаю его же словами, только без слова «так».

Я тоже должен жить. И чтобы жить, я не должен сердиться, или стыдиться, или позволять кому-то заводить со мной дружбу. Всё, что я был должен, – это получить зарплату, пусть даже стоя у двери как попрошайка и прождав ради этого несколько часов. В этом моя сила, позволяющая мне выжить. Это мой секрет, чтобы не покончить с собой.

Спустя два часа хозяин рассчитал меня. Как только я получил деньги, я внезапно почувствовал, что ужасно проголодался. Я оглядел магазин и на все заработанные деньги купил еды. Гамбургер, кимпап, хот-дог, бутерброд и упаковки с готовой едой... Я положил покупки у кассы и понял, что этого хватит на толпу бездомных, сидящих на Сеульском вокзале. Я бросил хозяину деньги.

На причале почти не было людей. Я сел в уголке и всё съел. В меня не лезло, но я запихивал еду пальцами в рот и глотал. Глазами считал, сколько чаек летает на закате, сколько лодок причаливает и отплывает, сколько кошек, которым нечего делать, как и мне. Наступила ночь. Пора было возвращаться домой. В комнату мотеля, находившегося в конце переулка.

В тот день я впервые поговорил с соседом об учёбе. Я сказал, что хочу бросить школу. Я подумал, что тогда мы переедем куда-нибудь и мир забудет обо мне. Сосед качал головой.

«Я больше так не могу. Я сдаюсь».

Сосед велел мне не сдаваться, не удаляться от мира, от жизни, от школы, от всего остального.

«Когда поступишь в университет, станет легче».

Я чуть не засмеялся. Университет? Что за иллюзии? Какой в этом смысл? Моя жизнь закончилась уже тогда, когда я вышел из загона на ферме. У меня на лбу метка под названием «первородный грех». Сосед стал из-за меня скитальцем. Более того, журнал никогда не отпустит меня. Ничто не изменится, как ни старайся. И моя жизнь не изменится. В чем смысл борьбы? У меня было только одно желание.

«Я хотел бы жить, спрятавшись ото всех, на безлюдном берегу моря».

Сосед опять покачал головой. Его глаза говорили: «Я ни за что, даже за миллион лет не смирюсь». Я упрямо смотрел на него.

«Ладно, возьми на один год академический отпуск. Потом решим, что делать со школой. Думаю, что ещё не будет поздно».

Сосед пошёл на уступку. И мне тоже пришлось уступить и согласиться на его предложение.

Мы передвигались вслед за морем. С востока на юг, с юга на запад. Сосед вёл грузовичок, а я изучал карту. Если по дороге были частные гостиницы, мы останавливались в них, если их не было, мы спали прямо в машине. Проголодавшись – ели, заскучав – уходили в море. Когда появлялись люди, мы сразу покидали это место.

Мы приехали в Деревню с маяком в начале января этого года и прожили здесь уже четыре сезона. За это время журнал не пришёл ни разу. Жаль, что мы раньше не додумались так жить. Надо было сразу бросить школу. Тогда нас бы не носило туда-сюда в фиолетовом грузовичке, словно пыль.

Теперь, мне кажется, можно и помечтать. Обыкновенные желания, которые бывают у обычных людей с самого сотворения мира. Теперь и мы могли об этом мечтать. Можно мечтать о том, чтобы жить здесь, на этом месте. Сосед будет писать, а я буду работать в аптеке. Причём долго-долго. Но мир не должен обращать на нас внимания. Поэтому я беспокоюсь из-за команды «шевроле».

Сосед перевернулся на бок. В темноте были слышны звуки волн. Настенные часы пробили десять. Команда «шевроле» не вернулась. Я закрыл глаза. В середине лба пульсировал кровеносный сосуд. Часы в моей голове стучали всё громче, их шестерёнки вращались.

Тот, кто толком не знает моря, относится к нему легкомысленно. Пренебрегающий морем может легко обжечься.

2

У двери раздался телефонный звонок. Мы одновременно встали, сосед взял трубку.

«Случилась беда. Страшная беда!» – быстро выпалил председатель молодёжной организации. Сосед произнёс только три фразы. Вы позвонили по номеру 119 и в полицию? Где вы примерно находитесь? Я сейчас приеду.

По одним этим словам я сразу догадался, что случилось. Я встал и включил лампу.

«Происшествие».

Сосед достал из шкафа сухой гидрокостюм и нижнее бельё под него.

«Троих нашли, но молодой человек с камерой пропал».

Я хотел спросить: «А ты-то почему едешь?» Я хотел было спрятать оборудование для дайвинга, не желая, чтобы он что-то предпринимал. «Что-то предпринять и что-то потерять – это синонимы». Потерять то, что мы приобрели и еле сохранили, потерять мечту, которую я только загадал себе.

«В ближайшей спасательной службе нет дайверов, поэтому спасательная операция может начаться, только когда прибудет морская полиция из Мокпхо. Но тогда будет уже поздно», – объяснил сосед, будто прочитав мои мысли. Я тоже надел нижнее бельё и гидрокостюм. Сосед, застёгивая молнию, посмотрел на меня. Выражение его лица говорило: «А ты зачем собираешься?»

Только год назад я начал нырять на большие глубины. Сосед был очень строгим инструктором, всегда требовал, чтобы я соблюдал основные правила, и никогда не хвалил меня. Наверное, и как о напарнике он был обо мне не самого высокого мнения. Кроме того, у меня не было опыта действий в подобных ситуациях. Несмотря на это, я подумал, что соседу будет лучше вместе со мной. Более того, я уже изучил подводные обрывы у скал. Я умоляюще смотрел на него. Сосед немного колебался и велел захватить бади-лайн⁵. Я взял не только его, но также баллоны с кислородом и кислородные маски. Подумал, что они могут пригодиться.

Уже через минуту мы были на месте. Едва выйдя из машины, мы увидели человека, бегущего вверх, мощного, как носорог. Он быстро сел в «шевроле». Это был Рэй Бэн. Снизу ему кричал хозяин гостиницы: «Бежишь? А что прикажешь мне делать с этими?»

Мы с соседом бегом бросились вниз. Лодка была причалена к берегу, и председатель привязывал верёвку к столбику. На дне лодки лежали двое мужчин: один был без сознания, другой кричал от боли, вытягивая ногу. Было похоже, что у него кессонная болезнь. Судя по его поведению, он был ещё в шоковом состоянии, ничего не понимал и не мог идти. Сосед взвалил на спину человека без сознания и поднялся. За ним пошёл председатель, неся оборудование. Кессонного я также взвалил себе на спину. Я ещё и шагу не ступил, как стало понятно, что мне предстоит задача не из лёгких. Он ревел как бык. Размахивал руками, хватал за шею и душил «своё транспортное средство». Несколько раз я чуть было не упал с обрыва, теряя равновесие. Будь моя воля, я бы точно сбросил его в море. Или врезал бы ему ногой между ног. Председатель, задыхаясь из-за висевшего на нём тяжёлого оборудования, вкратце рассказал, что случилось.

Через пятьдесят минут после того как команда «шевроле» погрузилась под воду, Рэй Бэн неожиданно всплыл около лодки. Это было на целых двадцать минут позже запланированного. При этом он был в полуобморочном состоянии. Председатель спросил о других, но Рэй Бэн кричал, требуя плыть к маяку. Председатель сразу понял, что члены команды «шевроле» потеряли друг друга под водой и ему придётся каждого искать и спасать по одиночке. Второго

⁵ Бади-лайн – короткий шнур с карабинами на концах. Он помогает напарникам не потеряться во время дайвинга в условиях плохой видимости или сильного течения.

пострадавшего он нашёл к северу от скалы. Третий, который был найден на южной стороне, потерял сознание сразу же, как только оказался в лодке. Человека с камерой найти не удалось. Председатель вынужден был поплыть к маяку, но не из-за Рэй Бэна. Надо было срочно доставить пострадавших на сушу. Затем он позвонил спасателям и в полицию, сперва сообщив о случившемся соседу, о котором он первым вспомнил в этой ситуации.

Когда мы добрались до маяка, спасатели и полиция ещё не приехали. Рэй Бэн один сидел в фургоне. Он включил отопление и, с головой закутавшись в плед, смотрел на нас. Глаза его были испуганными, а выражение лица озлобленным. Казалось, дотронься до него – и он укусит. И на том спасибо, что не уехал, бросив остальных.

Я положил кессонного на сиденье. Сосед уложил потерявшего сознание, надел на него кислородную маску и подошёл к Рэй Бэну.

«Что случилось?»

«Я ни в чём не виноват».

Его голос, как и выражение лица, был раздражённым. Сосед тряс его за плечи.

«Я спрашиваю, что случилось? Где это произошло?»

«Не трогай меня. У меня и голова раскалывается, и тошнит. Кажется, помру сейчас».

Рэй Бэн оттолкнул соседа. А сосед взял его за грудки и заставил посмотреть прямо себе в лицо.

«Отвечай».

«Убери руки, сволочь».

Рэй Бэн, пытаясь убрать руки соседа и тяжело дыша, прокричал:

«В середине отвесного обрыва. Страшная водяная колонна обрушилась нам на голову. Я пытался остановить падение, добавив воздуха в жилет плавучести, и хотел зацепиться за скалу, но неожиданно меня подбросило вверх. Достаточно?»

Конечно, достаточно, всё ясно. С западной стороны скалы, примерно на глубине девять метров, есть валун, где можно зацепиться. Под этим местом пролегает замысловатое ущелье, похожее на лабиринт. Если двигаться вдоль него на юг, можно увидеть утёс, гладкий со всех сторон и похожий на высотное здание. Это и есть отвесный обрыв, о котором говорил Рэй Бэн. Самое глубокое место. Там образуется течение, нисходящее вниз. На поверхности воды оно образует длинный шлейф. Поэтому его можно увидеть невооружённым глазом. Сила падения огромна, но площадь этого уходящего вглубь завихрения небольшая – примерно восемьдесят сантиметров, поэтому если плотно прижаться к стене обрыва и двигаться по горизонтали, его можно избежать. Именно об этом месте сосед предупреждал команду «шевроле». Ночью шлейф невозможно отличить от обычных волн. Если не знаешь подводный рельеф, трудно выбраться из этого течения. Тогда считай, что ты сел в лифт, стремительно падающий вниз. Если через сорок метров течение остановится, то тебя головой отбросит прямо на подводные рифы у самого дна.

Они наверняка пытались сопротивляться силе, которая тянула их вниз, и поддували в жилет воздух. Потом они потеряли контроль над своими действиями, и их выбросило наверх. Всё верно. Чтобы остановить падение, необходимо поддуть воздух в жилет, но при этом надо постоянно держать палец на кнопке, чтобы в момент выхода из течения быстро выпустить воздух. Иначе тебя просто выбросит на поверхность, как ракету. Какой же из Рэй Бэна руководитель группы, раз он этого не знал! Более того, у него даже не было звукового сигнала об опасности.

«Подожди тут до приезда скорой. Ничего не делай».

С этими словами сосед отпустил Рэй Бэна. Тот сопел носом и злобно смотрел на соседа. В фургоне с ним остался председатель. Кому-то надо было объяснить ситуацию полицейским и спасателям. К тому же нельзя было оставлять обоих пострадавших с Рэй Бэном, который был не в себе.

Сосед управлял лодкой. Я скептически отнёсся к этой спасательной операции, так как шансов найти четвёртого молодого человека живым было крайне мало. Если течение бросило его не на дно моря, а на поверхность, то в его крови слишком большое количество азота, и он в опьянённом состоянии, наверно, отдал свой регулятор какой-нибудь рыбе. Будь он спокойным и выдержанным, всё могло бы сложиться по-другому. Это единственная возможность выжить в подобной ситуации.

Мы подплыли на лодке к западной стороне скал. Море было очень спокойным, словно ничего не произошло. Дул тихий ветер, течение утихло. Пока оно спит, мы должны воспользоваться этой возможностью. Когда начнётся отлив, течение вновь расвиореет.

Сосед бросил якорь и спустил на воду у кормы лодки сигнальную сосиску⁶. Она служила отметкой, куда надо вернуться после дайва. Чтобы сразу же погрузиться под воду, я выпустил весь воздух из жилета, приготовил баллон с кислородом, проверил регулятор, туго затянул ремень на ластах и соединил нас с соседом при помощи бади-лайна. Мы вертикально начали погружение.

Вода было страшно холодной. Возникало такое ощущение, что под мышками образуется лёд. Я нырнул, продул уши и сел на выступ у скалы. На нём было много морских ежей. Под выступом темнел обрыв. Видимость была меньше десяти метров. Сосед знаком – опущенным вниз большим пальцем – указал спускаться туда. Я ответил знаком «окей».

Мы с помощью жилета плавучести, сопротивляясь большой скорости падения, погружались вниз. Пятнадцать метров, двадцать, двадцать пять... На тридцати двух метрах сосед подал знак остановиться. Я сменил вертикальное положение на горизонтальное. Вдоль стены скалы, поросшей водорослями, мы поплыли на юг в поисках света подводного фонарика. Прошло минуты три, пока сосед не показал вниз. Там я увидел каменистый свод, оттуда струился свет.

Когда мы, взявшись за руки, проплыли под сводом, то обнаружили уютное углубление, похожее на пещеру. В середине мерцал свет. Там на спине лежал человек, на лбу у него горел фонарик. Похоже, он был мёртв. Будь он живым, вряд ли бы покоился на дне моря в такой позе, словно спал. Сосед слегка согнул указательный и средний пальцы, показав, что надо опуститься на колени рядом с телом. Я сел. Всё оборудование на трупе было в полном порядке. На запястье висела верёвка от камеры. Широко открытые глаза смотрели прямо вверх. Сосед сложил пальцы крестом перед маской, приказывая мне не смотреть в глаза трупа. Но было уже поздно. В этот момент у меня перехватило дыхание. Дышать было трудно. Точно так же я чувствовал себя, когда смотрел в глаза убитой девочки.

Это случилось не в море, а на озере. Девочку достали из воды спасатели. У неё были длинные волосы. Её разбитые губы были чуть приоткрыты, словно кому-то улыбались.казалось, что широко открытые глаза смотрят прямо на меня. Тогда у меня сдавило грудь, точно как сейчас. Всё расплывалось перед глазами, словно я неожиданно попал в холодное течение. Над головой плавали ночные рыбы, которые светились красным светом. Они медленно парили, как звёзды в ту ночь, которую я, играя, провёл с девочкой. Откуда-то с неба донёсся чистый светлый голос: «Распустились цветы, скорее лови».

В этот момент меня привёл в сознание звуковой сигнал. Мне в глаза смотрел сосед, я начал восстанавливать дыхание. Через некоторое время мы взяли тело с двух сторон под мышки и с разрешённой компьютером для подъёма скоростью приступили к всплытию. Всего мы находились под водой девятнадцать минут. На глубине шесть метров мы начали проводить «остановку безопасности». Через семь минут мы уже поднялись на поверхность, наполнили жилеты воздухом, а регуляторы заменили на трубки. В эту минуту свет от маяка скользнул по поверхности воды; издали доносились сирены скорой.

⁶ Жаргонное название выбрасываемого маркерного буя, указывающего на поверхности положение дайвера под водой в период всплытия или декомпрессионной остановки.

3

Всего погибли два человека. Парень без сознания в итоге тоже скончался. Рэй Бэна и Кессонного отвезли в больницу города Мокпхо, где была декомпрессионная камера. Мы с соседом, поднявшие на поверхность труп, и председатель, который управлял лодкой, сели в полицейскую машину. Мы должны были дать показания.

Молодые люди из команды «шевроле» были из влиятельных семей. Отец Рэй Бэна занимал высокий пост в правительстве, отец Кессонного был генеральным директором крупной компании. Отец одного из погибших служил генералом в сухопутных войсках. Второй скончавшийся парень был отпрыском высокопоставленного чиновника из прокуратуры. Генерал и прокурор ополчились на нас и никаких наших доводов слушать не хотели. Думаю, смерть сыновей сделала их глухими и слепыми. Или они просто жаждали любой ценой найти козлов отпущения, бедолаг, у которых есть руки, – морю ведь наручники не наденешь.

Нас фактически подвергли допросу. Полиция потребовала, чтобы мы очень чётко и ясно описали произошедшее и саму спасательную операцию. Они пытались найти ошибки в наших действиях, по несколько раз требуя рассказывать всё заново, начиная ссорой в доме накануне вечером и кончая подъёмом тела со дна. При этом нас допрашивали отдельно. Что касается погибших, то их тела срочно отправили на судмедэкспертизу.

Под утро на каждого из нас повесили по статье. Соседа подозревали в насилии, так как он схватил Рэй Бэна за грудки. Они, скорее всего, решили, что синяк на теле Рэй Бэна именно из-за этого. Сосед объяснил, что такие синяки появляются, когда гидрокостюм слишком плотно прилегает к телу, но никто не желал его слушать.

Председатель молодёжной организации превратился в бессовестного старика, который убил двух подающих надежды молодых людей, предоставив им лодку ради наживы, хотя знал об опасности. Что было на самом деле и как его оскорбляли молодые люди, всё это полицейские попросту проигнорировали. На него повесили статью «причинение смерти по неосторожности».

Меньше часа понадобилось, чтобы уяснить, кто я такой. Узнать, что меня отправили в комиссию для малолетних преступников и что я двадцать один раз переводился из школы в школу, в итоге бросил учёбу, а затем скитался семь лет. И что почти уже целый год я живу в частной гостинице. Эти факты говорили сами за себя, и следователи на меня набросились, как разъярённые псы.

Примерно в полдень пришли результаты судмедэкспертизы. У погибшего с камерой была остановка сердца, что и стало причиной его смерти. Это был прощальный подарок от морского лифта. Его убила паника. Второй парень погиб из-за повреждения лёгких, прокатившись на подводной «ракете». У обоих в крови была обнаружена высокая концентрация алкоголя. С соседа сняли подозрения в насилии, потому что медицинский специалист по дайвингу высказал профессиональное мнение, совпавшее с объяснением соседа. Кессонный, состояние которого стабилизировалось, рассказал всю правду.

За четыре часа до происшествия четверо молодых людей приехали в Деревню с маяком и заселились в частную гостиницу. Поскольку близился закат, хозяин гостиницы обещал вывезти их на лодке в море на следующее утро, получив вперёд с молодых людей деньги за лодку и проживание. Но, выпив, они передумали. Рэй Бэн был для остальных лидером и провоцировал их. Дневное море можно сравнить с велосипедом, а ночное – с «Харлеем». Парни выпили, потеряли всякий страх. К тому же их манил «Харлей», им казалось, что они могут всё. Кессонный признался, что они насильно усадили в машину председателя молодёжной организации. Это было чистосердечное признание от пострадавшей стороны. Мне было любопытно, почему он

признался. Может быть, из-за обиды на предательство Рэй Бэна. Я подумал, что, скорее всего, так и было, – надо же быть слепым, чтобы не увидеть, как их лидер бросил свою команду.

С нас сняли подозрения, но отпустили не сразу. Начался допрос по другому поводу. Спрашивали настоящую профессию соседа, почему он скитается с сыном маньяка Чхве Хёнсу, откуда у нас деньги на путешествие и почему мы так долго живём в частной гостинице. Я подумал, что полицейские, вероятно, под угрозой увольнения, получили приказ от отцов погибших вытрясти из нас всё что можно и посадить во что бы то ни стало. А может, они просто перегнули палку в своём усердии угодить сильным мира сего.

Двадцать пятого числа в шесть часов вечера мы вышли из кабинета следователя. У входа собралось больше десятка журналистов. Повторилось то, к чему я уже привык. Мне начали задавать разные вопросы: когда я научился дайвингу, почему бросил школу... Но больше всего меня поразила вопрос о моём отношении к смертной казни. Я повернул голову, чтобы увидеть, кто мог задать такой вопрос. И мой взгляд встретился с глазами молодого журналиста.

Смертная казнь... Лучше спросил бы, казнил ли я кого-нибудь в своей жизни. На это у меня точно был бы ответ. Я бы мог сказать, что во мне живёт исполнитель смертной казни. Моими жертвами были мой отец, иногда классный руководитель, косивший на один глаз, двоюродные сёстры, которые принимались орать, едва завидев меня; я бы ещё добавил, что моими жертвами могли стать разъярённые псы – прокурор или генерал. Так что будьте осторожны, граждане.

Сосед дважды похлопал меня по плечу.

«Пошли».

На обратном пути в грузовике надолго воцарилось молчание. Сосед был за рулём, председатель молодёжной организации спал, а я в очередной раз повесил отца.

Я помню первое повешение. Это было летом, когда я готовился к сдаче экзамена на аттестат об окончании старшей школы. В то время мы остановились в городе Кунсан; я, по обыкновению, пошёл в библиотеку и на одной из полок нашёл книгу «Теория и практика системы смертной казни». Несколько раз я проходил мимо неё и всякий раз к ней возвращался. В конце концов книга оказалась у меня в руках. Стоя у полки, я открыл первую страницу, а когда перевернул последнюю, сидел на корточках. Поставив книгу на место, я сразу же вернулся домой. В тот день мне было не до учёбы. Прежде всего хотелось забыть картинку из книги – место, где приводят в исполнение смертный приговор. Было выше тридцати градусов, жарко, но я укрылся толстым одеялом. В глазах у меня всё потемнело.

Я упал перед старым деревянным зданием. У окна росло одинокое дерево хурмы, над крышей стояло заходящее солнце. Прямо передо мной была чёрная дверь. Я протянул руку и толкнул её. Дверь открылась, я вошёл внутрь. Там не было ни освещения, ни окон, но помещение было очень светлым. Передо мной на возвышении стоял стол, покрытый чёрным покрывалом, в задней части комнаты висела белая занавеска, разделяющая помещение на две части. Было слышно, что за ней кто-то есть. Я подошёл и отдернул занавеску. На циновке прямо на полу сидел мужчина, чёрный мешок был надет ему на голову. Сверху свисала толстая верёвка, толстая, как рука ребёнка. На шее мужчины выступил пот. Его плечи чуть заметно подрагивали. Из-под мешка послышался выдох, похожий на хныканье. Я взял петлю, накинул мужчине на шею и отдал приказ:

«Исполняйте».

С грохотом под мужчиной обрушился пол. И человек провалился вниз. Я откинул толстое одеяло и в испуге привстал. Обернулся к окну и посмотрел в него. На потемневшем небе стояло багряное солнце. В тот момент я осознал: провалившийся мужчина был моим отцом.

«Всё закончилось, – сказал сосед. Я сперва не понял его слова и только хлопал глазами. – Забудь обо всём».

В это мгновение я вернулся из прошлого. Да, мы только что вышли из полицейского участка и едем домой. Я кивнул головой соседу. Не переживай, я всё забуду. Это может любая корова. Только одна маленькая проблема – журнал «Sunday Magazine», который умнее коровы.

Всю ночь я ворочался. Два дня подряд я почти не спал, но голова была ясная. Благодаря этому я ранним утром вышел на работу. Конечно, это был мой последний рабочий день здесь. Владелец аптеки наверняка уже в курсе, кто я, и меня рассчитает. Сначала я поднял газету, лежащую у входа в аптеку.

**Происшествие под водой возле утёса в деревне Синсонни.
Дайвер, спасавший людей, оказался сыном маньяка-убийцы Чхве Хёнсу.**

Прошлой ночью 24-го числа в море у каменного утёса на полуострове Хвавон четыре студента, вернувшиеся домой из США на зимние каникулы, занимались дайвингом. В результате несчастного случая двое погибли и двое получили ранения. Предполагается, что причиной происшествия стало вертикальное течение с западной стороны каменного острова. Когда случилась трагедия, двое дайверов, проживавших в частной гостинице, сразу начали спасательную операцию. Один из студентов был найден мёртвым, другой скончался уже после того, как его вытащили на берег. Двоих доставили в больницу города Мокпхо. У этой подводной скалы часто образуется вертикальное течение, поэтому даже опытные дайверы избегают погружаться там ночью. Молодой человек по фамилии Чхве (18 лет), который принимал участие в спасательной операции, оказался сыном Чхве Хёнсу, ожидающего в тюрьме смертной казни за преступления на озере Серёнхо. Чхве в течение многих лет скитался и не имел постоянного места жительства. И уже год проживает в частной гостинице. Полиция сообщила, что расследует обстоятельства происшествия, на допрос вызван мужчина по фамилии Ан (39 лет), который проводил операцию по спасению вместе с Чхве.

Сев за письменный стол, я выпрямил спину и хлопал глазами, как сова. На лбу выступил холодный пот. При вдохе я ощущал боль в груди. Заголовок репортажа – это не просто сочетание букв, это нож, который окружающий мир воткнул мне под рёбра.

Я вошёл в Интернет и начал просматривать новости. Появилось очень много статей, порочащих всё с ног на голову. Были и такие, где уже в заголовке главным было не само происшествие, а сын Чхве Хёнсу. Я открыл первую статью. Под ней было несколько тысяч комментариев. Я не стал их читать: вряд ли меня хвалили за то, что сын маньяка совершил что-то доброе.

Когда я закрыл новости, наверху в поисковой строке появились наиболее частотные поисковые слова – на первом месте было словосочетание «Сын Чхве Хёнсу». Правда ведь, это просто удивительно. Прошло целых семь лет, но до сих пор люди обращают внимание на Чхве Хёнсу. Видимо, отряд следователей из числа пользователей Интернета уже начал наводить справки. Если так, то сейчас активно ведётся работа по сбору информации о сыне Чхве Хёнсу. Значит, повсюду в Интернете ходит моя фотография с бритой головой, когда меня перевели в комиссию для малолетних преступников. Конечно, хотелось надеяться, что я преувеличиваю.

Когда я заканчивал уборку в аптеке, пришёл хозяин. Он молча сел за письменный стол и развернул газету, которую я туда положил. Я подождал, пока он прочитает статью. Через полчаса я сел перед ним.

«Я отработаю сегодня и уйду».

Сказав это, я вздрогнул. Что же тогда делать завтра? Что бы я ни предпринимал, куда бы ни поехал, даже если этого журнала не будет, мир, так сильно меня возлюбивший, не разомкнёт

своих объятий. Хозяин, положив ногу на ногу, смотрел на меня. Я не отводил взгляд и не опускал голову, так как я не был преступником.

«Необязательно, – сказал хозяин. – Пройдёт несколько дней, и всё забудется. Иди работай».

Этого я не ожидал. Может быть, он так сказал, потому что считал недостойным сразу же меня выгнать. Или же потому что всё-таки он немного ко мне привык, так как я проработал у него уже год. Я ответил: «Я благодарю за то время, что проработал у вас».

Сказать, что я не сожалел, наверное, было бы неправдой. Я просто не хотел принимать его доброту. По опыту знаю, что доброте нельзя верить. Её срок годности длится ровно до того момента, как добрый человек сам решит, что с него хватит. Очень часто люди терпели всего один день. Самый лучший способ – поблагодарить и при этом отказаться от доброты. Бывало даже, что мне давали не только зарплату, а ещё и выходное пособие. Некоторые говорили: если понадобится работа, обращайся в любое время. Всё это было мне чуждо. В четыре часа дня я закончил уборку и ушёл. Когда я вернулся домой, у забора не было грузовичка соседа. Я посмотрел через окно в комнату. Соседа там не было. Я подумал, что, может быть, он пошёл в магазин купить продукты, но тут же засомневался. Если так, то он точно прошёл бы мимо аптеки, находившейся рядом. Было также непохоже, чтобы он отправился куда-то собирать материалы для книги, поскольку его сумка висела на стене рядом с дверью в комнату. Оставляя за домом велосипед, я услышал у себя за спиной голос председателя.

«Когда ты вернулся?»

«А, вы, оказывается, дома? Было так тихо, я подумал, что вы тоже куда-то вышли».

«Да нет, я был в комнате».

Председатель протянул мне коробку. Он сказал, что её недавно доставил курьер на мотоцикле. По размеру она была чуть больше коробки из-под обуви. Там не были указаны ни адрес, ни имя отправителя. На месте, где обычно указывают получателя, стояли только адрес этого дома и моё имя.

«А куда ушёл сосед?»

«Я не знаю. Мы с ним вместе пообедали, потом я прилёг, проснулся, а его уже нет. И грузовика тоже».

Я направился в комнату и с удивлением обернулся посмотреть на хозяина дома. Почему он не требует от нас покинуть гостиницу? Постояльцев и так нет, а из-за меня, может быть, придётся вообще её закрыть.

Я открыл коробку. Там были странные для меня предметы. Записная книжка соседа, часы с функцией записи, которые он всегда брал с собой, отправляясь собирать материалы. Ещё там лежала флешка в форме монетки, которую я подарил соседу в тот день, когда получил первую зарплату в аптеке, пачка писем и папки с какими-то материалами. В самом низу лежала папка для бумаг А4. На обложке ничего не было написано. Когда я перевернул первую страничку, то увидел неожиданное название: Пролог. 27.08.2004. Озеро Серёнхо.

Я ещё толком не осознал, что это может значить, а мои глаза уже сами скользнули вниз.

Девочка стояла на автобусной остановке у школы. Прислонившись к столбу, она стучала по дороге носком кроссовки. Голова была опущена, поэтому лица не было видно. Виднелись только её белый круглый лоб и длинные волосы, развевающиеся на ветру.

Мимо девочки с шумом проехал грузовик. На секунду она исчезла из виду и появилась вновь. Затем из города подъехал серебристый микроавтобус и остановился перед девочкой. Это был автобус, забирающий детей в изостудию. Девочка опять исчезла из виду. В тяжёлом воздухе был слышен только её весёлый голос.

«Я не смогу сегодня поехать в студию. У меня вечеринка по случаю дня рождения. Это мой день рождения».

Микроавтобус развернулся и поехал в обратную сторону. Девочка перешла дорогу. Сгорбившись, она смотрела в землю и шла не торопясь. Сынхван стоял на дороге у заправки и глядел, как приближается девочка. Когда она почти перешла на другую сторону улицы, то подняла голову. Похоже, она только сейчас заметила наблюдавшего за ней человека. В её волосах спереди сверкала заколка, отражая лучи августовского солнца. Выражение лица было грустным. Большие чёрные глаза, смотревшие на Сынхвана, беспокойно подергивались. Сынхван чуть не поздоровался с ней.

Привет, девочка. С днём рождения.

Девочка повернулась и пошла в сторону главных ворот, ведущих в лесопарк «Серён». Сынхван сунул в рот сигарету и смотрел в спину идущей девочки. Он вспомнил детей, живущих в служебных квартирах, которых он пять минут назад видел в магазине на заправке. Дети зашли с подарками в Макдоналдс. Тогда он подумал, что они отмечают чей-то день рождения. Теперь стало ясно, что это не день рождения девочки.

Со стороны озера Серёнхо доносились звуки традиционных ударных инструментов. Значит, на озере начался обряд поминовения. Дети из Нижней деревни, скорее всего, побежали все туда.

Обитатели деревни Серён делились на две группы: коренные жители и те, кто занимал служебные квартиры. Когда на реке Серёнган построили дамбу, старая деревня Серён, где проживали коренные жители, была затоплена. Людей оттуда и называют коренными. На равнине ниже дамбы они построили новую деревню и теперь жили там. Получается, что коренные жители и жители Нижней деревни одни и те же люди. К живущим в служебных квартирах относились сотрудники дамбы и их семьи. Их дома находились внутри лесопарка, который располагался к востоку от дамбы. Так называемый «лес служебных квартир» – это южная часть леса. Сотрудники арендовали их у компании по управлению дамбой. На севере лесопарка – эту его часть называли «лесом особняков» – было только три дома: номер 101, 102 и 103. Вот эти три и называли особняками. Там жили сотрудники компании по управлению дамбой. Сынхван проживал в доме номер 102, а девочка – по соседству, в доме номер 101. Он выглядел как королевский дворец и имел два этажа. Там же жил владелец лесопарка, который дал своей дочке имя в честь озера.

Сынхван никогда не видел, чтобы дети коренных жителей и дети из служебных квартир играли вместе. А девочка вообще ни с кем не общалась. Она родилась в деревне Серён, которая была теперь затоплена, и была названа в честь озера Серёнхо. Но жила она на территории лесопарка и относилась к группе людей из особняков. Значит, она не совсем коренной житель, но и не совсем ребёнок из служебных квартир. Наверно, именно поэтому девочка, которой сегодня исполнилось двенадцать лет, не могла не стоять в одиночестве на автобусной остановке, когда все были чем-то заняты.

Сынхван с сигаретой в зубах посмотрел на небо. На нём висели свинцовые облака. Солнце уходило за облака, пение цикад прекратилось. Было сырое и неприятное послеобеденное время.

Я закрыл рукопись. Сынхван – имя моего соседа. А это рукопись, написанная им. Хотя он писал от третьего лица, сомнений в этом не было. Его почерк я знаю так же хорошо, как и своё

лицо. И я мог предугадать, о чём пойдёт речь дальше. Эту историю несколько лет назад мне помог освежить в памяти «Sunday Magazine». Поэтому повторно читать её я не хотел. Конечно, было любопытно, почему сосед написал эту историю, сам ли он прислал эту рукопись или нет. Почерк на коробке был мне незнаком, но всё равно, кроме соседа некому было прислать мне эту посылку.

Я поехал на велосипеде к маяку, сел на краю обрыва и стал смотреть на море. Горизонт был ярко-алым и походил на полыхающее поле. 27 августа 2004 года, в пятницу после обеда, пока ещё была жива девочка... Я вернулся в тот день, на семь лет назад, будто кто-то втащил меня туда за шиворот.

Наша семья переехала на озеро Серёнхо 29-го, в воскресенье, назавтра после того самого дня. Моего отца назначили начальником службы безопасности на дамбе Серён. В доме номер 102 было только две комнаты, и там уже был жилец. Отец и мать договорились, что они будут жить в большой комнате, а я – в другой, вместе с соседом.

Сразу после переезда сосед повёл меня по тропинке. Она тянулась к заправке, где он увидел девочку по имени Серён, о чем написал в прологе. Мы отправились туда в поисках отца. Прошло уже два часа с тех пор, как он пошёл кое-что купить, но всё не возвращался. И мать отправила нас за ним. По тропинке мы быстро добрались до заправки, там мы с родителями останавливались, переезжая на озеро Серёнхо. Я был растерян и сбит с толку. Когда мы ехали сюда, то попали на дальнюю развязку, которая вела в эту местность, потом остановились на заправке, а от неё ещё очень долго добирались до озера Серёнхо. Расстояние было порядочным. Сосед, увидев моё растерянное выражение лица, показал на дорожку и сказал: «Тропинка творит чудеса».

Я чуть было не поверил ему. Потому что кроме как чудом это никак нельзя было объяснить. До заправки на машине надо ехать десять минут, не меньше, мы же за пять минут дошли до неё пешком. Для меня было ещё кое-что необычное. Сама заправка была для проезжающих мимо людей местом короткого отдыха, а для жителей деревни Серён стала сосредоточением жизни. В закусовые на заправке они обычно заходили поесть, в магазинах делали покупки, в Макдоналдсе устраивали праздники для ребятишек, а столики под зонтами на смотровой площадке привлекали местных любителей горячительных напитков – это было для них чем-то вроде забегаловки.

Сосед привёл меня на смотровую площадку на территории заправки. Там мы увидели моего отца, уже зачисленного в местные выпивохи. Перед ним стояли две пустые бутылки соджу. Мы сели рядом с ним. Внизу под ногами простиралось озеро Серёнхо. Нижняя деревня была намного ниже озера. Я сказал соседу:

«Теперь расскажи о волшебстве».

«Что за волшебство?» – спросил отец.

«Волшебство, которое творит тропинка», – ответил я. Отец посмотрел на соседа. Тот захохотал.

«Совон, ты знаешь, что такое спираль?»

Я пальцем показал ему движение по спирали.

«Хорошо. Озеро Серёнхо появилось, когда построили дамбу на реке Серёнган. Река Серёнган текла в ущелье среди гор Серёнбон. Когда построили дамбу, естественно, территория ниже гор оказалась затопленной. Деревню, которая располагалась у подножия горы Серёнбон, переместили на самую нижнюю, не затопленную территорию. Рядом с горой Серёнбон проложили скоростную трассу, а на её обочине построили заправку. Представь, первый этаж – это озеро, второй – заправка. Скоростная трасса, словно лестница в форме спирали, соединяет первый и второй этажи. А тропинка – это приставная лестница, по ней можно сразу подняться на второй этаж».

Мы, забыв о своей обязанности отвести отца домой, сидели вместе с ним. Я пил кока-колу, отец – соджу, а сосед – пиво. Солнце окрасилось в алый цвет, и наши тени удлинились. Над озером Серёнхо появился негустой туман. Сосед показал пальцем на горизонт, где соединялась равнина с небом, и сказал: «За этим далёким горизонтом находится море под названием Тыннйанман». Он велел мне ночью, когда дует южный ветер, открывать окно и вдыхать воздух. Тогда в меня может войти запах моря. Каждую ночь я открывал окно и ждал южный ветер. Однако всякий раз мне слышался голос той девочки.

«Расцвели цветы, скорее лови».

«Малыш, что ты тут делаешь до сих пор? Уже темно».

Из-за спины донёсся голос председателя молодёжной организации. «Сосед вернулся?»

«Да нет. Он не приехал, но опять доставили что-то на мотоцикле».

На этот раз я вновь получил коробку. На ней был отмечен отправитель. «От друга». Кажется, это не сосед. Почерк был не его, но он отличался и от почерка предыдущего отправителя. К тому же мой сосед обычно не употреблял в качестве обращения слово «друг».

В коробке лежали журнал «Sunday Magazine» и одна старая кроссовка «Найк». Именно одна, тридцать восьмого размера. Внутри было написано имя, оно почти вылиняло, но можно было прочитать «Чхве Совон».

Я только один раз в жизни получал в подарок кроссовки марки «Найк». Мне их подарил папа в тот день, когда я вошёл в число призёров математической олимпиады. Имя на кроссовках написал отец. Я потерял их, когда мы жили на озере Серёнхо. Значит, это кроссовка, которую я носил в возрасте двенадцати лет.

Я закрыл коробку и отошёл. Хотелось спросить человека, который прислал мне этот журнал: кто ты? что тебе надо? Если ты хочешь мести, тогда надо мстить человеку, который сейчас ожидает смертной казни в тюрьме.

С раннего вечера я приготовил постель и лёг спать. Однако не мог заснуть. Время тянулось медленно. В голове было полно вопросов. Куда делся сосед? Чем он занят и почему до сих пор не возвращается? Почему не звонит? Кто присылает мне журнал «Sunday Magazine»? Совпадение ли то, что в один день мне прислали вещи соседа и мою обувь? Какая может быть связь между ними?

До сих пор я думал, что журнал присылает человек, являющийся родственником одного из пострадавших. Кто ещё мог так долго меня преследовать? Однако тот же человек прислал мне обувь, которую я потерял на озере. Значит, моё предположение неверно. Значит, он напрямую связан со мной и одновременно причастен к событиям на озере Серёнхо.

Я попробовал позвонить соседу на сотовый. Автоответчик ответил, что телефон отключён. Я хотел позвонить его родителям в Сеул, но не знал ни телефона, ни адреса. Более того, старший брат соседа, мой приёмный отец, четыре года назад эмигрировал в Австралию.

Я включил ноутбук и вставил в него флешку соседа: раз есть рукопись, есть и исходный текст. Тогда можно, не читая всю рукопись, сразу найти нужные отрывки. Но для этого необходим исходник. На экране появились две папки под названием «Материалы» и «Озеро Серёнхо». Когда я нажал на папку «Озеро Серёнхо», появилось более десятка вордовских документов. Я кликнул по файлу «Последний вариант». В этом документе вначале стоял такой же, как в рукописи, заголовок. Первый абзац тоже совпадал. Я нажал на кнопку поиска и ввёл слово «Найк». Появилась первая ссылка.

В прошлом мае Совон получил грамоту на математической олимпиаде.

Хёнсу купил ему кроссовки «Найк», расплатившись за них картой, которую он скрывал от жены.

Но эту историю я помню. Я снова нажал на поиск. Пропустив несколько предложений с подлежащим «Хёнсу», только в конце я нашёл другое имя.

Ёнчжэ вынул из целлофанового пакета кроссовки марки «Найк».

«Вот я принёс. Думаю, что это вашего сына. По размеру точно не ваши».

Ёнчжэ... Меня будто ударило молнией. Я моментально вспомнил лицо этого мужчины. Я ввёл в строку поиска имя Ёнчжэ, пропустил несколько вхождений, которые были мне не важны, и, наконец, добрался до следующего отрывка.

После этого из щели приоткрытого окна, которое он видел, выходя из дома, ещё пару раз раздался крик девочки Серён, был слышен её отчаянный голос, который произнёс: «папа».

На доме номер 101 висела табличка с именем хозяина: «О Ёнчжэ».

Волосы встали дыбом на голове. Моя память меня не подвела. О Ёнчжэ был отцом девочки Серён. Это он присылал мне журнал «Sunday Magazine». Однако в моём предположении были логические нестыковки. О Ёнчжэ погиб семь лет назад. Весь мир знает, что его убил мой отец. Во всём моём теле было странное ощущение. Ужасная догадка каким-то наитием пришла мне в голову и окутала всё внутри, как дурная вонь.

Я пристально смотрел на имя, возникшее среди других вариантов, предложенных функцией «поиск».

Озеро Серёнхо I

Сынхван открыл в гостиной стеклянную дверь, ведущую на веранду. Из темноты хлынул запах моря, и он подумал, что дует южный ветер. Дорога перед особняками была в тумане. На стёкла веранды одна за другой падали капли дождя. В лесопарке было тихо. Ни голосов людей, ни шума машин. В тумане лишь слышалась мелодия. Песня была ему знакома.

«Fly me to the moon»⁷.

Сынхван открыл сотовый и нажал номер Чхве Хёнсу. Но услышал то же, что и десять минут назад: «Абонент недоступен, оставьте сообщение...»

Чхве Хёнсу – это новый начальник службы безопасности на дамбе Серён, он должен приступить к работе в понедельник. А переезд его намечен на воскресенье. Он будет жить с Сынхваном в одной квартире. Сынхван предположил, что начальник переедет со всей семьёй, так как до переезда он позвонил и сказал, что хочет посмотреть жильё, уточнив к тому же, что приедет в восемь вечера. Вряд ли он мог забыть об этом, ведь он звонил утром того же дня. Однако уже девять, а он так и не появился. И даже не предупредил – ни звонком, ни сообщением. Более того, отключил телефон.

Сынхван закрыл дверь в гостиной и задёрнул занавески. Конечно, ему не откажешь в просьбе осмотреть квартиру и позже установленного часа. С другой стороны, времени и желания ждать его больше не было. У Сынхвана были дела. Он отправил сообщение на сотовый начальника, решив, что тот в скором времени его прочитает.

214365. Это код от входной двери.

Сынхван взял в прихожей кроссовки и прошёл в свою комнату. Окна смотрели в сторону леса. Он оставил свой мобильный на столе и разделся. Основное снаряжение надо надеть прямо здесь, чтобы не мучиться потом в темноте. Гидрокостюм, жилет плавучести, пояс... Последним он закрепил на ноге нож для погружений. В это время зазвонил телефон. Он вздрогнул. Если это начальник, то у меня проблема. Вдруг он скажет, что уже почти подъехал, и попросит подождать – тогда я никак не смогу ему отказать. Но, возможно, это и отец. Именно в девять вечера подвыпивший отец любил ему звонить и выговаривать.

«Сколько можно скитаться, как бродяга, уверяя, что напишешь какой-то роман? Бросил нормальную работу, теперь охранник на дамбе. Тебе уже тридцать четыре! Когда ты женишься, наконец? Семья с огромным трудом помогла тебе закончить университет, а ты всего лишь охранник. Если ты и правда такой талантливый, как какой-нибудь Чандлер⁸, о чём толкует твой старший брат, то почему ко мне не обращаются, как к отцу знаменитого писателя?»

Телефон замолчал. Сынхван надел кроссовки, взял рюкзак с подводной камерой и остальным оборудованием и вылез на улицу через окно. Внизу он обернулся. В полуоткрытую дверь комнаты была видна гостиная, в ней горела лампа, а стеклянные окна были занавешены. По телевизору не умолкая говорил и говорил ведущий новостей. Мобильный снова зазвонил. Сынхван быстро закрыл окно, чтобы больше не слышать звонок. Надев на голову шлем с подводным фонариком, он пошёл в сторону заднего двора дома номер 101.

Через двадцать метров от двора можно было увидеть северную границу лесопарка, огороженную проволокой. Там была маленькая калитка, похожая на проход для собак, – ею пользовался старик, следивший за лесопарком. На ней не было замка, и выйти можно было, просто сдвинув щеколду. На калитке была даже лампочка. Ориентируясь на свет, её легко было найти.

⁷ Песня «Fly me to the moon» («Унеси меня на луну») была написана в 1954 году Бартом Ховардом. В разное время её исполняли Фрэнк Синатра, Эйприл Стивенс и др.

⁸ Рэймонд Торнтон Чандлер (1888–1959) – американский писатель, автор детективных романов, повестей и рассказов.

Сынхван был человеком любопытным: он не мог идти, не оглядываясь по сторонам. Не сделав и десяти шагов, он краем глаза увидел окно комнаты в доме номер 101. Это была комната девочки по имени Серён, окно было наполовину открыто. Москитная сетка и занавески были слегка отодвинуты. На подоконнике дымилась спиралька от комаров. Сынхван остановился. Ему было видно всё, что происходило внутри.

На стене напротив окна висела фотография хозяйки комнаты. Собранная в пучок косичка на макушке открывала круглый лоб. Чёрные глаза, смотрящие прямо вперёд. Длинная шея. На фото Серён была похожа на маленькую балерину с картины Дега. На эту фотографию наложился образ другой Серён, той, которая всего несколько часов назад стучала ногой по земле на автобусной остановке.

Под фотографией на бюро стояли зажжённые свечи в стеклянных подсвечниках: зелёная и две красных. Рядом сидели плюшевые зверята в колпачках. Перед ними вращалось игрушечное колесо обозрения. На его верхушке – лампочка в форме луны. А перед ней фигурка девочки, которая летела, протягивая руки к луне. Колесо крутилось под музыку, которая весь вечер слышалась в тумане. На кровати лежала спящая Серён. Она распустила длинные волосы, которые обычно заплетала в косичку. Половина её лица была укрыта одеялом. Она спала, словно младенец.

В отсвете свечей Серён казалась Сынхвану совершенно нереальной. А может, причиной тому была монотонная мелодия. Девочка лежала так близко, что можно было дотронуться до неё рукой, но её образ казался каким-то размытым, будто он видел её во сне.

Сынхван поправил рюкзак и отвернулся. Но сразу уйти он не смог, с комнатой было что-то не так. Складывалось впечатление, что ребёнок в полном одиночестве праздновал свой день рождения и уснул. Если бы её отец был дома, вряд ли бы свечи горели до сих пор, да и окно было бы закрыто. Перед домом девочки должен был стоять автомобиль марки «БМВ». Но был ли автомобиль? Точно он вспомнить не мог. Память отказывалась дать четкую картинку, зато ей на помощь пришло воображение. Огоньки свечей, колеблющиеся от ветра, перебрасываются на головы плюшевых игрушек, и они сгорают в огне.

Сынхван моргнул, гоня из головы страшные мысли, и поспешно покинул это место. И правильно – соседский дядя не должен шататься под окнами красивой девочки из дома напротив. Он должен идти к озеру, протиснувшись через маленькую калитку с оборудованием на спине. Если бы кто-нибудь спросил его, что он делает поздно вечером, окутанный туманом, в гидрокостюме и с амуницией для дайвинга, он бы ответил, цитируя одного из великих писателей: «Кошка должна царапаться. Собака должна кусаться. А я должен что-то написать».

Сынхван, привлечённый условиями работы, подал заявку на должность охранника на дамбе Серён. Предоставлялось жильё в брусчатом доме. Вокруг были горы и озеро. И зарплата была неплохая, по сравнению с теми местами, где он работал раньше. Меньше, чем зарплата сотрудников железных дорог, но больше, чем у уборщика на ипподроме. В общем средняя. К тому же договор продлевался каждый год, поэтому не возникало ощущения, что ты стал утратившим свободу муравьём в некоем жёстко регламентированном сообществе. Более того, Сынхван надеялся, что, возможно, случай сведёт его с некой «капризной дамой», музой, которая превратит его в автора бестселлера и поможет заработать.

Когда Сынхван впервые поднялся на смотровую площадку у автозаправки, он подумал, что наконец-то нашел правильную работу. Это случилось в начале лета, первого июня. Было не жарко и не холодно. После обеда погода была не ясная, но и не пасмурная. На жемчужном небе стояло солнце, окружённое ореолом. Отличное время, чтобы наслаждаться видом окрестностей озера Серёнхо.

Глядя на дамбу сверху вниз, с высоты птичьего полёта, можно увидеть, что озеро Серёнхо образовалось в результате перекрытия реки, впадавшей в Южное море. С обеих сторон озера возвышались горы, тянувшиеся тонкой прямой линией. Горы со стороны заправки – это Серён-

бон. На противоположной стороне – Сорёнбон. На склоне Серёнбон ольховый лес. В лесу ферма, у входа в которую была дорога, проходившая по берегу озера до самой дамбы. Своими очертаниями озеро напоминало торс женщины. Через длинную шею воды озера впадали в реку, на выпуклой груди находился причал. Подобием родинки в середине груди возвышался остров, на котором росла одинокая сосна. Местные жители называли его Хансолтын. Под грудью располагалась водонапорная башня. Длинную и пухлую нижнюю часть тела поддерживала дамба.

На вершине дамбы был мост, его называли первой государственной дорогой. Охранный пост у ворот дамбы и сами ворота находились в конце этого моста со стороны вершины горы Сорёнбон. Ниже ворот шумел речной поток, который дальше впадал в море. Он разделял равнину на две части. Деревня Серён находилась на обеих сторонах реки. На стороне, где высилась гора Сорёнбон, прямо на берегу озера были расположены здания управления дамбой и гидростанцией. На стороне горы Серёнбон был лесопарк «Серён». Чуть ниже над речным потоком проходил второй мост. Недалеко от него раскинулась Нижняя деревня. Третий мост был соединён с муниципальной дорогой, вдоль которой располагались местные учреждения и магазины. В четырёх километрах к западу находился уездный город Серён.

Территория лесопарка «Серён» начиналась на склоне горы Серёнбон и доходила до самых магазинов. Это был огромный частный кусок земли. Недалеко от первого моста находились задние ворота лесопарка. А главный вход был неподалеку от магазинов. Эти два входа соединяла дорога протяжённостью около километра, её называли «центральным проходом». Она также делила лесопарк на верхний и нижний. Лес с особняками находился сверху от дороги на склоне горы Серёнбон и был плотно засажен хвойными деревьями. Лес со служебными квартирами стоял в низине, в нижней от дороги части. Он больше походил на сад, чем на лес, так как был более ухожен и засажен небольшими деревьями. К тому же там было много камер видеонаблюдения. Весь лесопарк, включая главные ворота, задний вход, центральный проход, служебные квартиры, детскую площадку и библиотеку «Зелёный лес», был огорожен высокой оградой из колючей проволоки. Лесопарк был больше похож на владения средневекового барона. Спустя два месяца после того, как Сынхван туда переехал, он написал всего несколько гениальных строчек.

Серён была самой известной девочкой в окрестностях. В этих местах куда ни пойдёшь, повсюду услышишь её имя. Заправка Серён, начальная школа Серён, клиника Серён, полицейский участок Серён, лесопарк «Серён»...

Роман застопорился на этом месте. Воображение Сынхвана тоже остановилось. Он не мог понять, почему в этих нескольких строчках появилась Серён. Он не имел ни малейшего понятия, что он хотел написать про неё. В начале муза-кошка ещё мурлыкала что-то ему на ушко, но дальше было не разобрать. Изнуряющая жара пришла очень быстро. Гладь озера, словно соблазнительная актриса, сексуально приоткрывала свой рот, но Сынхван так ни разу и не смог в неё погрузиться. Не то что телом, даже кончиками пальцев. Оборудование для дайвинга до сих пор лежало без дела в стенном шкафу. Только приехав, он сразу узнал, что доступ к озеру Серёнхо закрыт. Озеро было источником питьевой воды для четырёх близлежащих городов и десяти районов. Поэтому его окружал забор из колючей проволоки. Подходить и купаться в нём было запрещено. На гору Серёнбон, которая находилась рядом с озером, тоже нельзя было ходить. Даже ферма «Серён», расположенная на горе, закрылась с началом строительства дамбы, а в загонах для скота поселились дикие звери. Строительство и снос чего-либо были запрещены. Дорога вдоль берега озера также прерывалась около входа на ферму. Озеро Серёнхо было всё равно что огромный колодец с вывеской ПОДХОДИТЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ.

Сынхван любил поразмышлять об озере, сравнивая его с выгребной ямой для конского навоза. И озеро, и яма схожи тем, что в них нельзя заходить, но яму не нужно хотя бы всю

ночь охранять. И в этом она лучше, чем озеро Серёнхо. Этот огромный колодец необходимо охранять посменно, и днём, и ночью. Однако служба безопасности насчитывала всего-навсего шесть сотрудников. Четверо из них жили в доме номер 103. А Сынхван и его бывший начальник – оба в 102-м. В прихожей начальник повесил доску, на которой было написано «Дом, где верят в Иисуса Христа». Он был апологетом Иисуса и без конца проповедовал. Из-за этого апологета Сынхван мучился днём и ночью. По его вине у него под глазами набухли синяки. Ещё и из-за романа, который застрял на третьей строчке, измучила бессонница. Каждый раз перед сном у Сынхвана в голове возникала навязчивая мысль, что надо что-то написать. Он вставал, включал ноутбук, но перед глазами темнело. Он даже начал бояться ночи. Из-за этих тщетных попыток заснуть у него, как у бездомного кота, появилась привычка бродить по ночам. В лесопарке можно было гулять сколько душе угодно. Лес был очень густым, людей не было, как и камер видеонаблюдения, так что совсем не надо было беспокоиться, что его жизнь у всех на виду. Бывало, конечно, что он встречал кого-то, кто не спал по ночам. Например, иногда в два часа ночи можно было увидеть старичка-лесника, который обычно в это время бродил по лесу пьяным. Или настоящего кота по имени Они, который по ночам заходил в комнату Серён.

Однажды Сынхван встретился с Они под окнами девочки. Кот, увидев его, и ухом не повёл. Он просто безразлично посмотрел на него, повернул в сторону калитки и исчез. Сынхван поспешил за ним. Миновав калитку, уже за забором он увидел дорогу и прошёл по ней вдоль озера до очистных сооружений. Это место называли «входом на озеро номер один». Здесь заканчивалась первая из трёх частей, на которые условно можно было разделить дорогу вдоль набережной. Именно там он опять увидел Они: тот спокойно брёл себе, то появляясь, то исчезая в тумане. Кот остановился в закрытом загоне на ферме. Там в полу была дыра, а в неё вставлен деревянный ящик, дно которого было застелено розовым пледом. Рядом стояли миски с водой и кормом. Наверняка кто-то часто приходит сюда. Сынхван предположил, что это была Серён.

С этого дня маршрут ночных прогулок Сынхвана расширился и вышел за пределы калитки. Он втайне от апологета Иисуса вылезал через окно на улицу, выходил по тропинке за забором на набережную и прогуливался до убежища Они. Это помогало отвлечься от скуки и однообразия жизни, это даже захватывало, словно ему удалось выловить рыбу в озере Серёнхо. Но этого улова было маловато, чтобы вернуть свою музу-кошку. Он по-прежнему не мог писать. С каждым днём головокружение усиливалось, и навязчивые мысли не покидали его. Ещё утром предыдущего дня, когда апологет-начальник уехал на новую службу на озеро Чхунчжухо, ситуация представлялась ему безвыходной.

Как только апологет уехал, у Сынхвана закончилась смена, и он сдал пост заместителю начальника Паку и охраннику Киму, которые жили в квартире номер сто три. Заступая на дежурство, они заговорили об обряде поминовения. Этот обряд ежегодно совершали 27 августа в память о затопленной деревне Серён. Жители Нижней деревни устраивали его на набережной, стоя лицом к острову с сосной. Он начинался в три и заканчивался в семь часов вечера. Обряд напоминал деревенский фестиваль.

«Стоит на него посмотреть?»

На вопрос Сынхвана Пак ответил вопросом: «Хочешь пойти?»

«Ну, если интересно, можно и сходить, тем более у меня как раз выходные».

Пак долго смотрел на мониторы камер видеонаблюдения и потом пробормотал себе под нос: «Мне не по себе от этого озера».

Сынхван тоже взглянул на экран. Отчего не по себе? В середине озера, над которым начала рассеиваться дымка тумана, точно могильный курган, вздымалась вершина горы, ушедшей под воду. В центре этого острова, имевшего форму полукруга, стояла сосна с двумя стволами. Сынхвана давно мучило любопытство, и он спросил:

«А что значит Хансольтын? Вершина горы, на которой стоит одинокая сосна? Ведь так?»

«Про это я не знаю, но слышал, что гора стояла прямо за затопленной деревней Серён», – ответил Пак, а Сынхван кивнул.

«Почему вам не по себе от этого озера?»

«Потому что на дне озера стоит как ни в чём не бывало старая деревня Серён. А к стене одного из домов до сих пор прибита дощечка с именем хозяина».

У Сынхвана в горле пересохло, и волосы на затылке встали дыбом.

«Так говорят жители Нижней деревни. Мне не кажется, что это просто чья-то глупая фантазия. Дамбу построили больше десяти лет назад, деревню тогда не снесли, а затопили. Это была вторая по величине деревня после райцентра».

«Никто ещё не проверил, стоит ли там действительно деревня?»

«Думаю, что нет. Понятия не имею, откуда они узнали. Прошлой осенью даже с телевидения приезжали: хотели проверить, правда это или нет. Но местные жители были в бешенстве. Машину телекомпании сломали и чуть не убили начальника управления дамбой, давшего разрешение на съёмку. Мы бросились защищать сотрудников дамбы».

«А почему люди так разозлились?»

«Потому что во время обряда они молятся дракону, живущему в затопленной деревне. Значит, это место для них священное. Конечно, они не могут спокойно смотреть, как кто-то чужой лезет туда со своими нечистыми намерениями. Тем более что они верят: если чужие потревожат затопленную деревню, то проснётся бог-дракон и случится беда. Когда я впервые услышал эту историю, то только посмеялся. Подумал, что им просто тревожно жить в низине, имея такую массу воды у себя над головой, вот и нервничают почём зря».

«А сейчас думаете по-другому?»

«Ты, должно быть, не видел это существо на закате?» – Пак говорил об озере Серёнхо как о живом существе.

«Как только зайдёт солнце, посмотри минуту-две на экран. Нечётко, но что-то видно. Озеро погружается в темноту, и в этот момент с острова поднимается туман, будто из труб затопленной деревни валит дым. Однажды, когда я пристально вглядывался в экран, до меня донёсся голос старухи: «Мальчик, иди ужинать».

Пак добавил, глядя в монитор: «Кажется, я несучушь, да?»

«Нет, но...»

«Я сразу уеду отсюда, как только закончится контракт».

Сынхван вернулся домой в приподнятом настроении, он будто парил в облаках. Лёг, но не мог заснуть, не чувствуя никакой усталости. На потолке проступили очертания затопленной деревни, которую он ни разу не видел. И даже послышался голос той старухи: «Сынхван, поужинай со мной».

Сынхван всё думал, как бы попасть туда на ужин с бабушкой. Он верил, что сюда его привлекла не муза, а само озеро Серёнхо. Его ждала Атлантида. Чтобы попасть в эту деревню, вначале надо будет пробраться на причал. Для этого, конечно, понадобится ключ. С оборудованием для дайвинга через забор никак не перелезть.

В тот день утром Сынхван возвращался домой после двух ночных смен, и в кармане брюк у него лежал дубликат ключа от причала. Тайно взять ключ было невозможно, потому что вся связка передаётся следующей смене. Проще было сходить и сделать дубликат. Ночью Сынхван был один, и оставлять пост было опасно, но он на это решился.

После обеда Сынхван поднялся на смотровую площадку возле заправки. Там он набросал схему дна озера, используя карты дамбы и компас. Он начертил треугольник, который соединил остров, где росла сосна, с причалом и водонапорной башней. Затопленная деревня должна находиться перед островом. Она стояла между причалом и башней. Как он предполагал, в качестве исходного пункта идеальным был бы пирс, ведущий к причалу. Определившись с точкой погружения, он пошёл к передвижной лавке, остановившейся на обочине дороги у

заправки, купил леску, флуоресцентную краску, поплавки и грузила. Когда он спускался вниз от заправки, то увидел Серён, стоявшую на автобусной остановке.

Пока Сынхван ждал наступления ночи, ему от нечего делать стало любопытно, с кем Серён отмечает свой день рождения. Размышляя над этим, он покрыл поплавки и грузила флуоресцентной краской. Затем, когда они подсохли, привязал их к леске с интервалом в пятьдесят сантиметров для измерения глубины. Во время погружения нужно всегда знать глубину, чтобы рассчитать время уменьшения давления. Электронный измеритель глубины обычно используется для морской воды, а в пресной на высотах использовать его бесполезно, так как величина абсолютного давления здесь вдвое меньше, чем на поверхности моря. Поэтому для озера Серёнхо такой ручной измеритель будет лучше любого электронного. Кроме того, он поможет ориентироваться под водой. Как только Сынхван отыщет деревню, он будет отпускать эту леску, помечая путь. Так он готовился к предстоящей ночи.

Начальник так и не объявился до того, как Сынхван закончил приготовления. Чтобы немного успокоить нервы, он выпил пиво, купленное на заправке. Опустошив две банки, он вдруг понял, что в данной ситуации пиво всё равно что яд. До девяти часов вечера он делал отжимания, чтобы вывести из тела алкоголь, такой опасный во время дайвинга. Именно в этот вечер он должен обязательно пройти через калитку к озеру, причём никто из жителей Нижней деревни и из служебных домов не должен его увидеть. Только сегодня или завтра, пока он один, он должен найти «Атлантиду» и снять её на камеру.

Выходя из калитки, Сынхван включил фонарик. Он сделал свет максимально ярким, но всё равно из-за густого тумана видимость была не очень хорошей. Туман собирался быстро, словно метель – такое можно было увидеть только на этом озере. К тому же пошёл сильный дождь. В конце дороги он вынужден был выключить фонарик, потому что у входа к озеру номер один установлена камера видеонаблюдения. Видимость была совсем плохая.

Ощупывая руками проволочную ограду со стороны озера, он шёл примерно десять минут и, наконец, добрался до причала. Там была железная дверь – единственный вход на озеро. Высота двери и ограды были примерно одинаковыми. Под дверью просматривалась щель высотой около тридцати сантиметров. Она образовалась из-за наклона причала. На дверной ручке была намотана цепь и висел железный замок. Сынхван опять включил фонарь, на этот раз на максимальную яркость: ему нужен был свет, чтобы открыть замок. Войдя в калитку, он повесил цепь и замок с обратной стороны двери, чтобы никто случайно не смог туда зайти.

Бетонная дорога протяженностью около двадцати метров вела к причалу с уклоном вниз. С обеих её сторон росли густые кусты, трава и вьющиеся растения. В конце дороги находился понтонный мост, к противоположной стороне которого был причален буксир под названием «Чосонхо». Им пользуются в компании по уборке мусора вокруг дамбы.

Сынхван поднялся на буксир, оставил свой рюкзак на полу, достал из рюкзака леску и привязал её к сваям мостка, а затем стал готовиться к погружению. Затянул ласты и вставил в рот регулятор. На часах было 21:30. Он начал вертикально погружаться в озеро. Максимально увеличив свет фонарика, он опускался и аккуратно разматывал леску. Он миновал первый уровень перепада температуры и увидел жёлтую линию на двухполосной дороге. По ней когда-то ездили автомобили, ходили люди, передвигалась сельскохозяйственная техника. Здесь подводное течение было сильным, но видимость была неплохой для пресной воды. Не то чтобы всё виделось чётко, но можно было разглядеть, что ниже дороги сбоку пролегла длинная канава. Сынхван нетуго обмотал леску вокруг дерева, чтобы её не унесло, и продолжил погружение. Он скользил вниз по течению.

Когда вода стала очень холодной и начала болеть голова, Сынхван остановился. Ноги касались дна канавы. Вокруг было темно и тихо. Все предметы стали бесцветными. Только бетонная дорога сверкала серебристым светом, отражая лучи фонарика. В темноте ему каза-

лось, что он видит призрак исчезнувшей деревни. Противоречивые чувства переполняли его: волнение, страх, ожидание чего-то. Вдоль дороги он поплыл в темноту.

«Добро пожаловать! Деревня Серён».

Сынхван увидел столб с приветственной надписью, а рядом с ним была автобусная остановка. За железный столб и каркас, оставшийся от стеклянной остановки, он опять завязал леску. И дальше – вокруг ствола большого дерева. Большие и маленькие рыбки резвились возле мельницы с дырявой крышей, сквозь которую проросли водоросли. На дороге лежал электрический столб. В оросительном канале валялся корпус ржавого культиватора. Сынхван привязал там леску и проплыл дальше в деревню. Каменная ограда с оторванной плиткой, стены с торчащей арматурой, сломанный дверной косяк и валяющаяся черепица. Гниющие деревья, детская коляска без колёс, колодец с оловянной крышкой. Сынхван подумал, что, когда исчезнет человечество, мир станет именно таким. Его «Атлантида» была пустынная, но при этом очень красивая. Одинокая, но завораживающая. Лишь только её увидев, он уже был ею околдован.

Он плавал, как и рыбки, между дорогой, мостом и каменной оградой. В одном месте остались стены, и он наблюдал за размеренным ужином старика и старухи. В другом – подслушивал разговоры людей, сидящих на автобусной остановке. Он узнал историю любви и молодости женщины с коляской. Все эти фрагменты один за другим он снимал на камеру. Он почувствовал, что, сложив всё это воедино, можно сочинить отличную историю. И уж в этом-то он преуспевает.

Время в подводном мире протекает неравномерно, словно водное течение – с разной скоростью. То тащится, как трёхколесный велосипед ребёнка, то несётся, как мотоцикл байкера. Время в «Атлантиде» подобно взмаху руки фокусника. Махнёт он один раз рукой – и в этот короткий миг целый час исчезнет в его рукаве.

Температура тела Сынхвана упала до опасного уровня, кожа почти ничего не чувствовала. Всё расплывалось перед глазами уже не только из-за мути, поднятой течением. И даже чёрно-белая деревня становилась цветной. Его охватило чувство эйфории. Это всё предупреждало об азотном наркозе.

Пообещав себе, что это последний снимок, Сынхван направил камеру на именную дощечку на дверном косяке. Этот дом стоял на самом высоком месте в деревне Серён. Он щёлкнул, и дощечку осветила вспышка. В её свете сама дощечка исчезла, была видна только надпись – О Ёнчжэ.

22:45, остаток воздуха – 120 баров. Сынхван в спешке покинул деревню. Он выпустил воздух из жилета и начал подъём. Времени плыть обратно по тому же пути не было. И он со скоростью девять метров в минуту сразу поднялся над деревней и посмотрел вниз. Потихоньку цветной пейзаж вновь превращался в чёрно-белый. В его памяти всплыла табличка на особняке, и он вспомнил одного мужчину и одну очень красивую девочку.

Это случилось ночью в первые выходные после того, как он переехал на озеро Серёнхо. Апологет-начальник в тот день отправился домой в Сеул. Сынхван остался в съёмном доме один. Примерно в двенадцать часов ночи, когда он уже задремал, послышался резкий крик. Сынхван открыл глаза, вокруг было тихо. Он подумал, что это был сон, и вновь закрыл глаза, но через некоторое время проснулся от тихого хныканья ребёнка. Слышалось оно слабо, но было понятно, что звук идёт откуда-то снаружи. Он достал подводный фонарь и открыл окно. В тени под ольхой, две ветки которой были скрещены, сидела девочка. Она была в одних трусах и прикрывала грудь руками. Девочка съежилась от холода и, хныкая, повторяла: «Не смотрите, дяденька, не смотрите...»

По голосу было ясно, что девочке стыдно. Сынхван послушался её. В этой ситуации лучше сделать вид, что ничего не заметил. Но девочка потеряла сознание, и ему ничего не оставалось, как выскочить к ней через окно. Девочка выглядела так, будто повстречала в лесу разбойника. Её нос раздулся, как большой пельмень. Каждый раз, когда она выдыхала, из горла

раздавался хрип. На теле были чётко видны следы от розог. Местами кожа потрескалась. Сынхван укрыл девочку пледом, взял её на руки и побежал к главным воротам, так как вспомнил, что там, рядом с магазинами, есть медицинский пункт. Выяснять, чья она дочь и кто её избил, он будет потом.

В выходные, и к тому же ночью, врача на месте не было. Позднее, сделав рентгеновский снимок, молодой врач с коротко стриженными, как у солдата, волосами сказал, что у девочки сломан нос. Затем он задал вопрос, на который у Сынхвана не было ответа:

«А что случилось?»

«Не знаю. Она сидела под окном моей комнаты и неожиданно потеряла сознание».

Полицейский, прибывший по вызову, знал девочку. Ее звали Серён, она была дочерью хозяина лесопарка. Ей было двенадцать лет. Он даже знал телефон её отца. Достал мобильный и куда-то позвонил. Через некоторое время появился мужчина в тёмно-синем пиджаке и сверкающих ботинках.

«Вы, видимо, не из дома?» – спросил полицейский.

«Я был на пути домой, когда вы мне позвонили».

Мужчина даже краем глаза не посмотрел на девочку. Он встал перед дверью, загораживая её, и уставился на Сынхвана. Чёрные зрачки его глаз были так сильно расширены, что казалось, в них нет белков.

«А кто вы такой?» – спросил мужчина.

Сынхван откашлялся.

«Я вообще-то живу в сто втором доме».

«С какого времени вы там живете? Я вас никогда не видел».

Сынхван почувствовал, что ему трудно дышать. Такое случилось, когда он был напряжён. В глазах собеседника было что-то очень неприятное. Провокация какая-то.

«Несколько дней уже живу, – медленно ответил Сынхван, восстанавливая дыхание. – Я не знал, что это ваша дочь».

«Объясните, почему именно вы привели мою дочь сюда».

«Это я сам хочу у вас спросить. Почему ваша дочь потеряла сознание под моим окном?»

Мужчина обернулся и спросил у врача:

«Нет ли следов насилия?»

Врач повторил те же слова, что он сказал Сынхвану.

«У неё сломан нос. Есть ссадины, которые, кажется, являются следами от розог...»

«Вы видите только это? Лично я вижу, что моя дочь голая лежит в медпункте, я также вижу мужчину, который говорит, что принёс её сюда среди ночи».

Сынхван потерял дар речи. Он не ожидал такого удара. Врач захлопнул папку, по лицу его было видно, что ему всё это неприятно.

«А что, ваши глаза не видят полицейского, которого мы вызвали?»

В это время полицейский смотрел на Серён. Она пришла в себя и украдкой смотрела на отца. Тот понял, что дочь проснулась.

«Что этот мужчина тебе сделал? – большим пальцем он указал на Сынхвана. – Он бил тебя? Трогал?»

Сынхван нервно сглотнул. Серён тихим голосом ответила: «Нет».

Полицейский спросил:

«Тогда где ты так поранилась?»

Серён посмотрела на полицейского, на врача, остановила свой взгляд на Сынхване и снова посмотрела на стража порядка. Было видно, что она всячески не хочет встречаться взглядом с отцом. В её больших, как у кошки, глазах блестели слёзы. Нет, это были не слёзы. Сынхван был уверен, что это был страх.

«Вы сказали, что вас зовут Ан Сынхван? Выйдите на минутку, пожалуйста», – сказал полицейский. Но Сынхван не послушался, ведь его жизнь зависела от слов девочки.

«И вы, директор О, тоже выйдите, пожалуйста».

Мужчина, которого называли директором О, бросил взгляд в сторону дочери и не шелохнулся.

«Вы оба слышите меня? – поторопил их полицейский. Сынхван и отец девочки посмотрели друг на друга и одновременно направились к двери. – Но далеко не уходите, мы быстро закончим».

Мужчина сел на скамейку за дверью. Он облокотился на подлокотник, откинул назад голову и смотрел на Сынхвана без всякого выражения. Его чёрные-пречёрные зрачки были расширены. Плечи были очень плотными и вздутыми, будто на них выросли мускулы. Он походил на зверя, который может напасть в любой момент. Сынхван сел напротив, всячески пытаясь выглядеть хладнокровно. Он старался расслабиться и сохранять безучастное лицо, но это было трудно и совсем у него не получалось. Все мысли вылетели из головы. Его охватили гнев и страх. К тому же он чувствовал себя оскорблённым. Дыхание становилось всё прерывистее. Очень хотелось покурить, но он не хотел никуда уходить. Вдруг он пропустит что-нибудь важное? Из кабинета ничего не было слышно. Двадцать минут тянулись, словно двадцать часов. Когда дверь открылась и вышел полицейский, Сынхвану показалось, что он сейчас задохнётся.

«Девочка сказала, что она играла в лесу с котом в игру «Расцвели цветы, скорее лови» и врезалась в дерево. – Полицейский встал между мужчиной и Сынхваном. – Она хотела пойти домой, но было очень темно. Поэтому перепутала дом и оказалась под окном у соседа. Из носа шла кровь, голова закружилась, и она потеряла сознание. Мужчину, который принёс её сюда, она видела впервые. Но она очень благодарна ему. Он не бил её и до неё не дотрагивался. Эти слова девочка попросила передать отцу».

Сынхван встал. Его гнев кипятком спускался по пищеводу.

«Двенадцатилетняя девочка в такую ночь в одних трусах играла с котом? Вы что, верите этому?»

«Как же звали этого кота? Ладно, не важно. По словам вашей дочери, кот больше всего любит эту игру».

«А как она объяснила следы от розог на теле? Даже кожа на плечах потрескалась».

«Она сказала, что её поцарапал кот. Наверно, очень грубо они играли. Что бы там ни было, врач сказал, что он не может проверить, изнасилована девочка или нет. Но одно только ясно: у неё сломан нос».

На этот раз отец девочки встал.

«Значит, чтобы проверить, было ли изнасилование, надо идти к гинекологу?»

«На вашем месте я бы её вначале отвёз к лору. Её красивый носик сломан. Расследование можно вести и потом, после обращения в главный полицейский участок. Думаю, будет ещё не поздно».

Мужчина зашёл внутрь и вынес на руках девочку, закутанную в плед. Он не сказал ни слова, но, казалось, своим взглядом избивал Сынхвана. Как только он покинул медицинский пункт, полицейский взял Сынхвана за локоть.

«А вы, мистер Ан Сынхван, пройдёте-ка в участок».

Сынхван оттолкнул его руку. Он не мог объяснить происходящее. Конечно, он ничего не смыслил в законах, но как можно задерживать человека, который привёл раненого ребёнка в медпункт, и отводить его в участок, тем более после того как ребёнок снял с него все подозрения.

«Пойдёмте со мной. Вы являетесь заявителем. Надо составить протокол».

Полицейский пошел вперёд, Сынхван последовал за ним. Он описал всё произошедшее, стараясь сохранять спокойствие.

От напряжения у него свело руку, а в голове проносилось много разных мыслей. Он пытался понять, почему все так странно себя ведут. Почему полицейский не пытается найти настоящего насильника?

Сынхван был уверен, что все, кроме него и врача, что-то скрывают. Все они знали, кто избил ребёнка. Очевидно, что отец девочки ответил на звонок не по дороге домой. Чувствовалось, что полицейский тоже это знал. Сынхван пытался восстановить всю картину.

По какой-то причине отец избивает голую Серён. Пользуясь случаем, девочка убегает, но бежать ей некуда. В лес страшно, на дорогу голой стыдно, поэтому она прячется под деревом у окна соседнего дома, а отец отправляется искать её. В этот момент сосед, который суёт нос не в своё дело, уносит девочку к себе в дом. Отец видит это. Он также видит, как сосед на руках относит девочку в медпункт. Через некоторое время раздаётся звонок от полицейского, который знает, что ребёнка регулярно бьёт отец, и догадывается, что сосед оказался в щекотливом положении. Но, несмотря на это, он прикидывается, будто ничего не знает, и ведёт дело кое-как.

Для Сынхвана истина была очень проста – отец ребёнка использовал соседа в качестве прикрытия своих действий. Но Сынхван никак не мог понять, как такое возможно в стране, где родителей сажают в тюрьму за истязания детей? Конечно, репутация отца девочки оказалась под ударом, но и защищался он уж слишком ретиво. Это всё равно что снимать паутину электропилой. Его ведь самого могли привлечь к уголовной ответственности за ложные обвинения. Зачем он так поступил? Сынхвану очень любопытно было это узнать.

Пак прояснил ситуацию. Он хорошо знал, что происходит в деревне. Отец девочки находился в процессе развода, и при этом шла «война» за ребёнка. Полицейский, обращаясь к нему, называл его «директор О» не только потому, что тот был хозяином лесопарка. В городе С у него ещё была зубная клиника, которая располагалась вместе с другими десятками клиник в здании под вывеской «Медицинский центр». Он также был единственным сыном богатого землевладельца, влияние которого распространялось очень далеко, выходя за пределы здешних мест. Ещё он был владельцем земель на равнине Серён, которые кормили жителей Нижней деревни.

Сынхван мог понять поведение полицейского. Кто он, а кто директор О. Чужак против местного жителя. Да и степень влияния у них разная. Полицейский и без слов мог догадаться, что директор О настоятельно советует ему «не совать нос в наши семейные дела».

До конца августа главный полицейский участок даже и не начал расследование. За это время Сынхван ещё два-три раза слышал крики Серён и её отчаянный возглас «папа». Они раздавались из окна, мимо которого он проходил. Именно на том доме под номером 101 была табличка с именем О Ёнчжэ.

Зазвонил сотовый. Хёнсу посмотрел на номер, это была Ынчжу. За час уже пятый звонок. А между звонками она прислала сообщения.

Ответь на звонок.

Ты в дороге? Или уже добрался?

Ты опять в пивной и не поехал, куда я велела? Снова пьёшь?

Хёнсу пил с друзьями. Но в одном она ошибалась. Нельзя сказать, что он не поехал, куда она велела. По крайней мере, он в пути и сейчас в пивной в городе Кванчжу. Это и не Сеул, и не Серён. Значит, он в дороге. Поэтому и не отвечал на звонки. Но если ей так сказать, то она будет ругаться. Он опять посмотрел в телевизор: шёл бейсбольный матч. Команды «Тайгерс» и «Лайонс» играли в спортивном комплексе города Тэгу. «Тигры» сильно проигрывали. Камера

показывала кэтчера, который стоял, держа руку на поясе. Поза говорила о том, что его команда в заднице. Только что бэттер⁹ «Тигров» подарил соперникам трёхбалльный хоумран¹⁰.

Когда-то Хёнсу тоже стоял на этом месте. Нет, точнее, очень редко стоял. Теперь его команды не существует. Он всегда был в запасном составе команды «Хансин Файтерс». Его последний матч состоялся в августе 1998-го против команды «Беарс» на стадионе «Чамсиль».

Опять раздался звонок. На этот раз это была не Ынчжу. Звонил Ким Хэнтхэ, который вместе с ним играл в одной команде.

«Ты где? – спросил раздражённый голос, как только он подошёл к телефону. – Твоя жена мне звонила. Я сказал, что тебя со мной нет. Но она потребовала, чтобы я передал тебе трубку. С ума можно сойти. Она сказала, что ты сегодня должен поехать на дамбу Серён. Ты что, не поехал?»

«Я еду».

«Тогда хотя бы позвони ей и так и скажи. Ты что, не знаешь своей жены?»

Хёнсу стало любопытно, насколько широко известен характер его жены. Он встал, прижимая телефон к уху. Собеседник уже положил трубку, но ему нужен был предлог, чтобы уйти. Два приятеля, сидевшие напротив, смотрели на него. Он пальцем показывал на трубку, давая понять, что он выйдет поговорить и вернётся.

«А вы случайно не бейсболист Чхве Хёнсу? – донёсся мужской голос из-за столика у выхода. Хёнсу хотел открыть дверь, но повернул голову и посмотрел на мужчину. Он был озадачен и одновременно удивлен, что кто-то его ещё помнит. – Я выпускник школы «Тэиль», 45-й выпуск».

Мужчина встал из-за стола. Он выглядел ровесником Хёнсу. Хёнсу положил телефон в карман куртки и пожал ему руку. Он даже дал автограф мужчине, который сказал, что хочет подарить его своему сыну. Вежливо отказавшись сесть с ним за столик, Хёнсу взял рюмку сочжу и залпом выпил её. Он хотел побыстрее покинуть это заведение, у него совсем не было желания отвечать на вопросы незнакомцев.

Как только он открыл дверь машины, опять пришло сообщение.

Ты где пьёшь?

Наряду с «Почему ты напился?» это был один из любимых вопросов Ынчжу. Хёнсу никогда не отвечал. Задавать вопрос пьянице, где и зачем он пьёт, все равно что спрашивать у мертвеца на кладбище, почему он умер. Пивные всегда работают, а поводов выпить не меньше, чем этих заведений. Но если на ответе настаивают, то можно сказать следующее: «Потому что мой друг, питчер из моего бэттери, открыл пивную».

Ким Канхён ушёл из спорта на три года позже, чем Хёнсу. Он был известным питчером, передовым игроком, которого называли атомной подлодкой команды «Файтерс», но последние два года он в основном провёл на операционном столе или в реабилитационном центре. Конечно, если бы его руку не эксплуатировали столь нещадно, она бы не вышла так быстро из строя. Когда сменился хозяин команды, Киму Канхёну пришлось уйти из спорта, потому что ни одна команда не хотела покупать «сломанную подводную лодку». Тогда он попробовал себя в разного рода бизнесе. Но каждый раз он разорялся так же быстро, как летел мяч с его подачи. Пивная была его пятой попыткой. Не было ничего необычного в том, что Хёнсу заглянул туда, хотя это и не входило в его первоначальные планы. Он хотел заехать к нему после переезда. Но шанс предоставила сама Ынчжу. Утром, когда он уходил на работу, она спросила: «Сегодня у тебя последний рабочий день здесь? Наверно, рано закончишь?»

Хёнсу, ни о чём не подозревая, спросил: «А что?»

⁹ Игрок нападения с битой, который отбивает поданный ему мяч.

¹⁰ Удар, после которого бэттер пробегает через все «базы» и возвращается в «дом».

«Я хочу, чтобы ты съездил в наш новый съёмный дом. Я сегодня не могу, должна идти на работу в школу».

Хёнсу опять спросил: «А зачем?»

Ынчжу, в свою очередь, изобразила на лице «а что зачем?» и продолжила: «Надо же посмотреть новый дом, его метраж, чтобы определить, сколько вещей брать с собой. Мы же не можем набрать кучу всего, а потом выбросить».

«Выбрасывать не надо, потому что площадь у жилья одинаковая. Такая же, как здесь».

«Нет, реальная площадь в таких домах обычно меньше, чем говорят, да и планировка отличается от обычных квартир. Тем более там же всего две комнаты».

Но дамба Серён находилась не за углом, а в пяти часах езды. Все эти доводы не стоили того, чтобы ехать так далеко. Скорее всего, у неё была какая-то задняя мысль. Поэтому Хёнсу, обуваясь, стал выяснять это окольным путем.

«Съездить туда только дом посмотреть. Верно?»

«Конечно, не только за этим, но и потолковать. Ты же сказал, что там живёт один неженатый молодой человек. Надо заранее обговорить, как пользоваться комнатами, ванной и кухней. Насчёт коммунальных услуг. Всё это надо заранее уточнить, тогда можно будет спокойно жить и не ссориться».

«Значит, ты хочешь, чтобы я сидел с ним с глазу на глаз и обсуждал: будем ли мы вместе пользоваться стиральной машиной, будем вместе за воду платить или нет? Решать с ним такие вещи? Ты этого хочешь?»

«Если можно, попроси его ещё переехать в соседний дом. Наверно, ему тоже неудобно будет с нами жить».

Хёнсу внимательно посмотрел в лицо Ынчжу и подумал: «У этой женщины врождённая наглость или, скорее, это оружие, отточенное годами?»

Хёнсу не обладал умением заставить соседа перебраться в дом рядом, да у него и намерения такого не было. Конечно, если бы он переехал сам, Хёнсу не стал бы его отговаривать. Как бы то ни было, по телефону он договорился о времени встречи. Пивная приятеля была как раз по дороге, и он решил туда заскочить. Около шести часов вечера Хёнсу добрался до города Кванчжу. По плану он должен был только подарить горшок с цветами и сразу уйти. Но там он встретился с тремя одноклассниками и засиделся.

Все его школьные друзья уже ушли из спорта и теперь просто старели. За ужином они выпивали и вспоминали былые времена. Например, говорили о том, как мечтали стать звёздами спорта. Вспоминали общежитие, в котором всегда пахло пóтом. Красавчика питчера Кима Канхёна, за ним увивались толпы школьников. Первую любовь кэтчера Чхве Хёнсу, который в полуфинале пробежал три «базы» во время хоумрана. Одна бутылка, вторая, вот уже и восемь опустошили. Из них половину выпил Хёнсу.

Когда Хёнсу подъезжал к платной дороге у восточного Кванчжу, опять зазвонил телефон. Конечно, это была Ынчжу. Похоже, она специально долго не сбрасывала звонок – ждала, пока её муж ответит. Тогда Хёнсу выключил телефон. Перед скоростной дорогой была длинная вереница машин. Он решил, что это пробка из-за пятничного вечера. Но, проехав шлагбаум, увидел, что это не так. У въезда на скоростную дорогу стояло несколько полицейских машин. Ему стало не по себе. Он подумал, что если это проверка, то его сегодня обязательно поймают. У него не было прав – девяносто три дня назад он был их лишён за вождение в нетрезвом виде.

В тот день ситуация была очень похожа на сегодняшнюю. Он пил сочжу в пивной с приятелями-бейсболистами. Они смотрели бейсбольный матч. Ынчжу звонила Киму Хэнтхэ, разыскивая его.

Когда он начал пьянеть, Ким Хэнтхэ передал ему свой мобильный. Его глаза улыбались и говорили: «Ну, ты и идиот!» Хёнсу покраснел. Ынчжу больше всего не любила, когда Хёнсу пил. Болезненно не любила. Каждый час в пивную звонила только жена Хёнсу. С некоторых

пор он уже стал совсем игнорировать её звонки во время попоек. Однако, когда друг передал ему трубку, он не мог не ответить. Хёнсу взял телефон, и Ынчжу начала кричать.

«Ты где? Чем занимаешься? Опять пьёшь?»

«Нет, я просто ем и ничего не пью».

«А тогда почему не отвечаешь на мои звонки?»

«Я не слышал. Но всё равно, с какой стати названивать другу?»

«Ты не отвечаешь, вот я ему и позвонила».

Так до бесконечности мог продолжаться этот бессмысленный разговор. Хёнсу ничего не оставалось, как спешно отступить.

«Что-то случилось?»

«Совон заболел. Его рвёт, и у него температура. Он даже бредит. Говорит, что папа обещал свозить его покататься на лыжах. Требуется, чтобы я его одела».

У Хёнсу сердце ушло в пятки.

«Ты не отвезла его в больницу?»

«Я только что вызвала скорую».

Хёнсу быстро встал и выбежал на улицу. Ничего не соображая, он сел за руль. Хёнсу напрочь забыл, что он выпивши, когда недалеко от больницы его поймали полицейские за вождение в нетрезвом виде. Он умолял его отпустить, объяснял, что у него заболел сын. Полицейский ответил: «Конечно, конечно. А как же иначе?» Хёнсу пришлось дуть в трубочку. Самой собой аппарат запищал, ведь у него в животе вместо желудка была бочка с водкой.

Полицейский сразу открыл дверь машины, сел рядом с ним и велел ему остановиться на обочине. Хёнсу еле сдержался, чтобы не рвануть с места и не помчаться в больницу вместе с полицейским. На обочине стоял фургон, в котором дули в трубку, результат был 1,9 промилле. Его отвезли в ближайший полицейский участок. Там тоже не поверили его словам о больном ребёнке и начали составлять протокол. В это время опять позвонила Ынчжу.

«Когда ты вернёшься? Ты хочешь довести меня до нервного срыва?» – прокричала Ынчжу, а Хёнсу очень тихо ответил: «Я в пути. Почти приехал. Что говорит врач?»

«Он говорит, что у ребёнка менингит, и сказал, чтобы мы отвезли его в больницу, где есть компьютерная томография и педиатр, а ты...»

На этот раз закричал Хёнсу: «Тогда надо ехать, а не расспрашивать обо мне».

«Почему ты злишься на меня? Сам-то ты что сделал? Я что, дура? Я уже вызвала такси, и мы едем в больницу «Тонхва». Я позвонила тебе сказать, чтобы ты ехал прямо туда».

Похоже, полицейский понял ситуацию из разговора. Он срочно закончил всю процедуру, и Хёнсу получил временные права на два дня. Затем он поймал такси.

Совон лежал на кровати в самом углу комнаты, в отделении неотложной помощи. А Ынчжу сидела рядом, держа его за руку. Совон первым увидел Хёнсу. Слабым голосом он произнёс: «Папа». А первыми словами Ынчжу были: «Не пил, значит?»

«А что вы тут сидите?» – спросил Хёнсу у Ынчжу, стоя в ногах у больного сына и глядя на него. Он очень хотел подойти к Совону, но не мог пробраться поближе. Пространство между кроватями было слишком узким для гиганта ростом 191 сантиметр и весом 110 килограммов. От его крупного тела был толк лишь на бейсбольном поле.

«Сказал едешь, а почему приехал только сейчас?» – ответила вопросом на вопрос Ынчжу.

«Я спрашиваю, почему вы тут лежите?»

«Тебя же не было, поэтому мы тут лежим. Нам сказали, что нужна пункция спинного мозга».

«Пункция? А что это?»

«Из позвоночника... – Ынчжу краем глаза посмотрела на сына и продолжила: – Сказали, что это опасно, но требуют подписать согласие. Как я могу верить им на слово? Как я могу подписать без тебя?»

Хёксу очень хотелось закричать: почему ты сама не подпишешь, ты же всё делаешь, как тебе хочется. Но подавил свой крик, понимая, какой будет эффект от крика пьяницы-гиганта.

«А где врач?»

Ынчжу опустила глаза и указала на кабинет медсестёр, находившийся в центре приёмного отделения. Он, еле сдерживая гнев, пошёл к врачу. Педиатр сказал, что у мальчика менингит. Он стабилизировал его состояние при помощи стероидов, но необходимо было сделать пункцию. Пункция – это когда длинную иглу втыкают в позвоночник и берут спинную жидкость. Таким образом можно снизить внутричерепное давление и определить, бактериальный это менингит или вирусный.

«А чем они отличаются?» – спросил Хёксу.

«Вирусный менингит можно вылечить», – ответил врач.

«А бактериальный?»

«Могут быть последствия. Например, проблемы со слухом, задержка в развитии или эпилепсия...»

Проблемы со слухом, задержка в развитии, эпилепсия... У Хёксу потемнело в глазах, он не чувствовал под собой ног. Все слова в документе о согласии на пункцию вдруг поплыли. Он едва смог вывести своё имя. Несколько раз ручка выскальзывала из его рук.

Совона отвезли в процедурную, Ынчжу осталась ждать в коридоре, а Хёксу последовал за ним. Медбрат снял с Совона верхнюю одежду и помог ему лечь на бок, поджав ноги. Врач смазал позвоночник дезинфицирующим средством. Совон дёргался от страха. Медбрат силой держал его. Но мальчика невозможно было успокоить, он был до смерти напуган. Когда Совона привезли в процедурную, он увидел огромную иглу, а когда врач стал обрабатывать его спину, понял, что эта страшная игла сейчас войдёт в его спину. Совон взглядом, устремлённым на отца, посылал сигнал бедствия. Врач также смотрел на Хёксу.

«Пожалуйста, сделайте что-нибудь с ребёнком. Опасно, если он будет дёргаться во время процедуры».

Хёксу присел на корточки рядом с лежащим на кушетке сыном. Его огромное тело оказалось зажато между стеной и кроватью. Он сразу почувствовал, что задыхается. Прежде всего из-за страха, что вот-вот он сойдёт с ума.

«Совон, что я обычно делаю, когда тебе страшно?»

Совон перестал дёргаться. А Хёксу спросил: «Ты не помнишь?»

Совон посмотрел в глаза Хёксу, его губы сложились в трубочку, будто насвистывая что-то.

«Да, правильно. Мы сделаем это вместе. Я буду свистеть вслух, а ты про себя. Когда мы закончим свистеть, всё страшное будет позади. Ведь так, доктор?»

Врач сделал местную анестезию и ответил: «Конечно, вы правы». Хёксу спросил у Совона: «Какую песню?»

Совон вместо ответа выпрямил средний и указательный пальцы. Хёксу сразу представил себе первый кадр из фильма «Мост через реку Квай», который обожал его сын. Попавшие в плен английские солдаты входили в лагерь для пленных и насвистывали «Марш полковника Боуги». Совон не понимал сюжет фильма, но эти кадры он смотрел, перематывая назад, десятки раз. От этого плёнка на видеокассете растянулась и стала похожа на длинную лапшу.

Хёксу поставил указательный и средний пальцы обеих рук в ряд на кровать и стал насвистывать ноту соль. Это был сигнал, который знали только Хёксу и Совон. Сигнал к началу марша.

Хёксу засвистел. Его пальцы, как человечки, замаршировали по краю кровати. То они делали друг другу подножки, то скрещивали ножки, словно хотели писать, то трясли ногой в ритм музыке. Наконец, на лице Совона появилась слабая улыбка.

«Давайте промаршируем ещё один круг», – сказал врач, как только закончился свист. Хёнсу чуть не ударил врача в челюсть. Он что, до сих пор не закончил?

Как только процедура была завершена, Совон сразу уснул. Врач объяснил, что именно из-за падения внутричерепного давления ему стало лучше и он заснул. Хёнсу сидел рядом с Совоном и сильно дрожал. А что если с сыном что-то случится, например, возникнут проблемы со слухом или он не сможет ходить, кататься на велосипеде, играть на детской площадке, а вдруг у него будут приступы эпилепсии... Для Хёнсу это была ужасная ночь. За всю тридцатисемилетнюю жизнь у него не было ночи ужаснее этой. Когда он поднял голову, то увидел страшный взгляд Ынчжу, который катился на него, подобно реке с бурным течением. Он был наполнен отвращением, обидой, страхом и слезами. Конечно, он виноват.

Анализ показал, что у Совона был вирусный менингит. Но всё равно ребёнку надо было ещё около месяца лежать в больнице. Оставалась проблема с регуляцией внутричерепного давления. Мальчику ещё дважды делали пункцию и вливали очень много различных лекарств. Хёнсу регулярно приходил в больницу, курсируя между домом и работой. Супруги носили сыну еду и занимались текущими делами, а по ночам сидели с ним в палате. Из-за этого Хёнсу надолго отложил проблему с водительскими правами. Ему даже некогда было рассказать про это Ынчжу. Потихоньку его страх относительно вождения без прав притуплялся. Когда Совона выписали, он вообще почти забыл про это.

После болезни Совона ничего не изменилось. Ынчжу опять начала ходить на работу в школьную столовую, откуда она уволилась на время болезни сына. Хёнсу по-прежнему пил, смотрел бейсбольные матчи и откладывал дела. Привычка садиться за руль пьяным также осталась при нём. Каждый раз, выпивая, он по-прежнему не отвечал на звонки Ынчжу и только сейчас, когда полицейские остановили машину, осознал, что находится за рулём выпивши.

Хёнсу высунул голову из окна и посмотрел вперёд. Две машины одна за другой выезжали на скоростную трассу. Вскоре машины, стоявшие впереди, поехали, и видимость стала лучше. Он успокоился, потому что это была не проверка. Случилась авария. Похоже, что две легковушки и грузовик врезались друг в друга. Полицейские перекрыли одну полосу и занимались аварией. Как только ему дали знак ехать, он аккуратно, по правилам, миновал полицейского. Конечно, это длилось совсем недолго. Как только он выехал на трассу, его скорость опять стала соответствовать его состоянию – сто двадцать километров в час. Мотор сильно шумел, корпус машины дрожал, а Хёнсу всё равно не ощущал скорости. Он было расслабился, но настроение его совсем упало, когда он вспомнил о квартире, которую недавно купила Ынчжу, но которая так и не стала их домом.

Десять дней назад Ынчжу вдруг сообщила, что она хотела бы купить квартиру. Хёнсу пристально посмотрел жене в глаза. Он подумал, что, может, она заболела и не иначе как бредила. Купить квартиру площадью около ста квадратных метров в городе Ыльсан? Ынчжу сказала, что на продажу выставлена квартира по выгодной цене. Она была дешевле себестоимости, потому что у владельца возникли проблемы с бизнесом и он торопился её продать. Эта квартира была куплена им в ипотеку, поэтому самим Ынчжу и Хёнсу не надо было оформлять её в банке. Расположение дома было удобное, школа неподалёку и хорошая инфраструктура.

По поводу месторасположения Хёнсу был согласен с Ынчжу – раз она говорит, что квартира хорошая, значит, хорошая. А вот с чем он никак не мог согласиться, так это с финансовыми условиями. Он прикидывал и так, и этак, но цифры не сходились. Если они возьмут залог за квартиру, где они сейчас живут, и снимут деньги со всех счетов, всё равно не хватит. А если надо будет брать кредит, то лучше её вообще не покупать. Придётся ещё проценты возвращать и платить налог за приобретённую недвижимость. Тогда и на еду не хватит. Он подумал: уж лучше жить в съёмной квартире не голодая, чем голодать в собственном доме.

«Именно поэтому ты такой неудачник!»

Ынчжу считала деньги совсем по-другому. Сначала она достала пять сберегательных книжек и показала их Хёнсу.

«Это ещё что?»

«Непонятно разве? Прекрасно видишь что».

Конечно, он прекрасно видел, что это деньги. Огромная сумма, которая могла решить проблему с нехваткой тридцати миллионов вон и уплатой налога. Но Ынчжу вместо объяснения начала свои обычные упрёки, как и всегда, когда Хёнсу пил.

«Я всегда была бережливой. Ты думаешь, я делала это для собственного блага? И работала столько от нечего делать? Если бы ты постарался, то мы бы наверняка уже купили квартиру».

«А что мы будем делать с ипотекой?»

«Нужно сдавать квартиру, которую мы купим».

«А где мы тогда будем жить?»

«В казённой квартире».

Жена заговорила про казённую квартиру, значит, она хочет, чтобы он перешёл на работу в отдалённом месте. Однако Хёнсу совсем не хотел уезжать из Сеула. На это была причина.

Как только он закончил карьеру в бейсболе, он устроился в компанию, где работает и сейчас. Это была солидная и уважаемая в сфере безопасности фирма, которая специализировалась на охране государственных объектов. Его взяли туда на ставку. Первая служба была на дамбе, находящейся в каком-то горном селе в провинции Чхунчхондо. Чистый воздух, красивый пейзаж, тишина и покой. Кроме того, там предоставляли бесплатную казённую квартиру. Но были и свои минусы: детский сад для Совона, магазины и вся инфраструктура находились за горами в уездном городе. Тогда Ынчжу достала свои заготовки и купила мужу подержанную малолитражку. Конечно, он был ей благодарен, но, с другой стороны, она совсем не подумала о его габаритах. Каждый раз, когда он садился в машину, ему казалось, что он влезает в броневилок. Чтобы хоть мало-мальски удобно было вести машину, сиденье нужно было максимально отодвигать назад. Хёнсу хотел попросить жену купить автомобиль побольше, но передумал. Скажешь, а она будет только ругаться. Ему ничего не оставалось, как ворчать про себя. Почему вокруг меня все тесное и маленькое? Автомобиль «Дэу Матиз» в течение года неоднократно использовался в качестве скорой, так как Совон вечно чем-нибудь болел. Конъюнктивитом, корью и всеми возможными инфекционными заболеваниями. Не сосчитать, сколько раз ночью они ездили по опасной дороге через горы. Во время снегопада они даже были вынуждены рисковать собственной жизнью. А самая большая проблема службы в отдалённом месте – медицина.

«Сколько же придётся там жить?» – спросил Хёнсу. Его раздирали противоречия. К сладкому чувству, которое даёт само понятие «свой дом», примешивалось беспокойство о будущем.

«Три года. За это время мы сможем погасить часть ипотеки. После чего будем выплачивать только проценты, проживая уже в своём доме».

«Давай лучше купим квартиру поменьше. Если мы немного умерим аппетит, то сможем жить в своём доме и не страдать из-за нехватки денег. Нас же всего трое, зачем нам квартира площадью сто квадратных метров?»

«Нужна».

«Это всё равно что строить дом из тонкого льда. Почём знать, что будет с нами завтра?..»

«Я знаю, что случится с нами завтра, – улыбнулась Ынчжу. Это была улыбка всезнающего человека и победителя. – Мы заключим договор о купле-продаже».

Не было никакой возможности отговорить её. Ынчжу всегда мечтала принадлежать к среднему классу, одним из критериев которого, по её мнению, была квартира площадью в сто квадратных метров. Для Ынчжу беспокойство Хёнсу было просто глупостью. И ему ничего не

оставалось, как смириться с ситуацией, заглушив в себе тревогу. Он подал заявление о переводе на работу в отдалённом месте. Заявление сразу же удовлетворили: таких добровольцев, как он, днём с огнём не сыщешь, а желающих работать в Сеуле пруд пруди. Его распределили на дамбу Серён, и 30 августа он должен был приступить к исполнению своих обязанностей. Ёнчжу приобрела квартиру и в тот же день нашла квартиранта. Единственное, что раздражало её теперь, – это холостой молодой человек, который жил в одной из комнат их нового казённого жилья.

Хёнсу посмотрел на часы. 21:03. Он уже на час и три минуты опаздывал на встречу с молодым человеком, о котором говорила Ёнчжу. Он достал из нагрудного кармана рубашки сотовый. Когда он включил его, то увидел четыре пропущенных звонка и одно сообщение. Два звонка были от Ёнчжу, а два – от Сынхвана. В сообщении был код от замка. Он поспешно набрал номер Сынхвана, но тот не отвечал.

Хёнсу положил телефон обратно в карман, приоткрыл окно машины и выпрямился. От ветра закачался люминесцентный череп, который висел на зеркале. Череп улыбался широко открытым ртом. Это был подарок Совона на тридцать первый день рождения Хёнсу. Ему и сейчас казалось, что его сын, как и тогда, слабым голосом напевает «С днём рождения». Он невольно улыбнулся. Совон совсем не был похож на него, разве что тоже был левшой. Он и на Ёнчжу был не похож. Совон был копией умершей матери Хёнсу. Начиная с внешности и заканчивая характером. Это его очень радовало. Улыбающийся череп был не просто игрушкой. Глядя на эту безделушку, Хёнсу испытывал гордость за сына, совсем не похожего на него.

Как только он проехал дорожный указатель «Заправочная станция Серён», появившийся неожиданно сзади белый автомобиль «БМВ» начал мигать фарами. Они находились на перевале, дорога вела вверх, а по соседней полосе ехали три огромных трейлера с арматурой. Хёнсу посмотрел в зеркало заднего вида и проворчал: «Сумасшедший, что я могу сделать?»

Белый «матиз», как собака, которая только что проснулась от долгого сна, сместился на полосу, занятую трейлерами. Медленно-медленно. Ёнчжэ посигналил и обогнал его. Раз тебе сигналят, надо сразу убираться с дороги. Если едешь на драндулете, то изначально езжай по правой полосе. В зеркало он посмотрел на «матиз». Сквозь тёмное переднее стекло улыбался люминесцентный череп. Ёнчжэ убрал руку с клаксона и нажал на газ. «Матиз» скрылся из вида и сразу перестал его интересовать. Мыслями Ёнчжэ снова вернулся к Хаён. Развод, право на опеку, запрет приближаться к Хаён ближе чем на сто метров, компенсация... Думаешь, ты получишь, что хочешь?

Сегодня утром в суде города С прошло первое слушание, присутствовали представитель ответчика О Ёнчжэ и представитель заявителя Мун Хаён. В это время Ёнчжэ был на семинаре по ортодонтии, который проходил в одном из отелей на Кванхвамуне. Когда он пообедал и возвратился в свой номер, раздался звонок от адвоката. Он сообщил ему совершенно неожиданную новость. Получалось, что маленькая золотая рыбка съела акулу. Он ни разу в своей жизни не слышал таких слов.

«Мы проиграли».

Интересы жены отстаивал очень известный адвокат, который часто выигрывал дела в суде. Он был многословен. Наговорил на целую книгу, поведал о том, каким психом был О Ёнчжэ, как в течение двенадцати лет мучил свою жену и дочь морально и физически. Дополнительно он представил множество доказательств. Там были фотографии, запечатлевшие голое тело Хаён со следами избиения розгами и фотографии этих розог, которые были в их доме. Свидетельства Хаён и медицинские заключения о побоях и случившемся выкидыше. К ним были приложены записи, где было зафиксировано, как супруги ссорились и дрались. Свидетельства дочери. Эта мелочь пузатая столько всего припомнила! Она очень подробно расска-

зала, как, где и каким образом папа «исправлял» её и маму. Она также сказала со слезами, что хочет жить только с мамой.

Речь адвоката Ёнчжэ, рассказавшего о том, как часто Хаён убегала из дома, что у неё нет финансовой возможности содержать ребёнка, никак не повлияла на решение суда. Адвокат Хаён представил несколько ничтожных дипломов, которые свидетельствовали о финансовой состоятельности его подзащитной. Это были дипломы о получении специальностей кондитера и повара корейской кухни... Ёнчжэ вспомнил, что два года назад Хаён начала ездить в уездный город на кулинарные курсы. Она говорила, что это её хобби. Она отсутствовала дома всегда в одно и то же время. Вместе с дочерью уезжала и возвращалась на микроавтобусе от изостудии. Ёнчжэ не вмешивался. Он не видел в этом ничего подозрительного, и это не доставляло ему никаких неудобств, наоборот, домашняя еда стала вкуснее. Ему и в голову не приходило, что это была подготовка к бракоразводному процессу.

Адвокат, как бы в оправдание, намекнул, что Ёнчжэ, видимо, плохо знал свою жену. Адвокат сказал, что Ёнчжэ жил с этой вот женщиной, даже не догадываясь о её внутреннем мире. От этих слов у Ёнчжэ похолодело в затылке, поясницу пронзила боль. Некомпетентный адвокат хотел оправдать своё поражение, оскорбляя клиента. Ему было очень неприятно услышать «эта вот женщина». До сих пор ни один человек не позволял себе такого неуважительного отношения к его жене. И Ёнчжэ сказал адвокату, что тот волен называть так свою жену, а не его, Ёнчже, супругу. Сообщив адвокату, что отказывается от его услуг, он бросил телефон на кровать и подошёл к окну. Машины внизу чётко соблюдали правила движения, подавая друг другу сигналы. До этой минуты его мир пребывал неизменным. Всё в его жизни происходило так, как хотел он. Ещё три месяца назад всё двигалось согласно его приказам.

Хаён исчезла в конце апреля. В тот день они поехали на восточное побережье отмечать годовщину свадьбы. Они ужинали в ресторане с видом на море и пили вино. Всё было нормально. Проблемы началась по пути назад. Ёнчжэ немного перебрал, и они воспользовались услугами «трезвого водителя». Когда их машина подъехала к отелю, шофёр потребовал больше денег, чем было предусмотрено тарифом, пояснив, что цены подросли. Само собой, они поспорили. Ёнчжэ не собирался переплачивать этому вымогателю, как вдруг Хаён сделала то, что Ёнчжэ и представить себе не мог. Она достала из кошелька деньги и отдала их водителю. По выражению её лица было видно, что ей очень стыдно, и она сказала: «Извините, мой муж выпил немного лишнего».

Когда они поднялись в номер, Ёнчжэ избил её мокрым полотенцем. Затем они выписались из гостиницы и поехали на перевал Хангерён. Когда они туда добрались, Ёнчжэ отнял у Хаён кошелек и мобильник и высадил её из машины. Он хотел, чтобы она подумала и раскаялась, а отнюдь не того, чтобы она ушла из дома и подала иск против собственного мужа.

Первые два дня он не обращал особенно внимания на её отсутствие. Он мог вернуть её в любой момент, если бы захотел. Что могла сделать ночью на перевале одинокая женщина? Наверняка позвонила родителям за их счёт. Он даже и не звонил им. Но если бы она вернулась сама и попросила прощения, он наказал бы её слегка и принял обратно.

Прошло больше недели, а от неё не было никаких вестей. Тогда он начал её искать. Он думал, что знает все места, куда бы она могла пойти. Он решил вернуть её и наказать так, чтобы она два месяца не могла никуда выходить. Однако её нигде не было. Он спрашивал всех: родственников жены, её немногочисленных друзей, тех, с кем она разговаривала по телефону в последнее время. Но все отвечали, что не видели её. Только в отеле города Сокчо обнаружилась одна ничтожная зацепка. Она звонила в отель по телефону из укрытия от непогоды, находящегося на перевале Хангерён. Сказала, что произошла авария, и попросила прислать такси. Таксист хорошо её запомнил. Ещё бы, такого пассажира не забудешь – разве что у тебя Альцгеймер. Сколько бывает людей, которые на такси едут с перевала аж до самого Сеула? Хаён

заплатила за проезд чеком на сто тысяч вон. Ёнчжэ спросил таксиста, записал ли тот номер чека. Таксист сказал, что сто тысяч вон не великие деньги, чтобы записывать номер чека.

Ёнчжэ обратился в службу под названием «Supporters», которая занималась решением личных проблем клиентов. Ёнчжэ время от времени пользовался её услугами. Но в течение двух недель её сотрудники только зря переводили его деньги: никаких следов Хаён они не нашли.

В конце мая, спустя месяц после её ухода из дома, он получил известие от Хаён. Это был иск в суд. Ёнчжэ хохотал как сумасшедший. Ну, он успокоился, что Хаён жива, а потом его насмешил сам иск. Кто превратил её, дочку мастера по ремонту электротехники, в королеву, как в истории про Золушку? Кто дал ей всё, чего у неё в жизни никогда не было? И что же? За все эти благодеяния она намерена расплатиться судебным иском!

Он нанял адвоката – сначала надо было выиграть суд. После этого можно будет вернуть Хаён. Адвокат, который специализировался на таких делах, как браки по расчёту, измены, разводы, дал ему несколько рекомендаций. Во-первых, он сказал, что не следует пока «исправлять» Серён, потому что если его репутация в городе пострадает, то это навредит делу. Ёнчжэ его послушался. По крайней мере, он сделал так, чтобы об этом никто не знал за стенами его дома. И всё было бы хорошо, если бы не вмешался какой-то идиот из сто второго дома. Во-вторых, адвокат велел ему не разыскивать Хаён. В-третьих, не оказывать давления на её родственников. Ёнчжэ всё выполнил, поэтому он и представить себе не мог, что проиграет.

Ёнчжэ достал из холодильника воду и, снова усевшись в кресло, одним залпом выпил половину бутылки.

Где сейчас Хаён? Как она добыла и сохранила столько доказательств, чтобы использовать их в суде? Одно было ясно: плёнка зафиксировала всё, что происходило в течение двух последних лет. Точкой отсчёта, с которой она начала всё фиксировать, стало медицинское заключение о выкидыше. Это случилось два года назад, весной, когда произошёл инцидент с кошкой. Ёнчжэ во всех деталях, словно рассмотрел его под микроскопом, запомнил тот день.

Ёнчжэ не любил общаться с людьми, не ходил на встречи выпускников, не играл в гольф, не выпивал с друзьями. Если говорить об общественной деятельности, то он со своими коллегами из медицинского центра раз в месяц выступал в роли врача-волонтера. Например, они вместе посещали детский сад, реабилитационный центр и тюрьму для несовершеннолетних или взрослых. Если оставалось свободное время, он в подвале своего дома создавал хрупкие миниатюры из дерева. Для этого он каждый год весной срубал в лесу кипарис, в подвале распиливал его на дощечки необходимой длины, счищал кору и сушил в тени. Хорошо просушенную древесину он мелко нарезал и разделял на маленькие палочки размером с зубочистку. Это была единственная работа, выполняемая с помощью машины. Потом он доставал сосновые доски, инструменты, клей и лаки и, завершив подготовку, приступал к созданию своего особого микромира. Из палочек получались лес, ограда, домик, церковь, мост... Вместе они образовывали сказочный город, где жили принц и принцесса. Это увлечение у него началось, когда Серён исполнилось два года. Оно требовало эстетического чутья и терпения, большого количества времени и сосредоточенности. Торжественный показ своего шедевра он всегда устраивал накануне Рождества. Видя на лицах Хаён и Серён удивление, он чувствовал, что его труд вознаграждён сполна. Он был очень счастлив, пока этот шедевр стоял в гостиной под семейной фотографией. И лишь весной следующего года он уносил его в специальное помещение, похожее на склад.

Три года назад Ёнчжэ даже сделал купол, похожий на ледяное иглу. Внутри него он построил город: дома, высотные здания, улицы, парк и одну скамейку, на которой сидела семья: муж с сыном на руках и жена с миленькой дочкой. Эти фигурки он сделал сам, нарисовал им лица и раскрасил. В уличный фонарь, который освещал эту семью, он ввинтил малюсенькую лампочку. На своде купола также расположил мигающие лампочки, воспроизводившие созвездия.

дия. Без сомнения, это было самое лучшее из всех его творений, и в центре сидела идеальная семья, о которой он всегда мечтал.

Накануне показа Ёнчжэ не мог уснуть от волнения. Последние несколько лет он чувствовал, что реакция Хаён и Серён стала не такой восторженной, как прежде. Внешне их восхищение и комплименты были похожи на настоящие, но он понимал, что это не так – до такой степени он был чувствительным. Ёнчжэ представлял, как сдёрнет покрывало, и его сердце сильно билось в ожидании, что на этот раз их похвалы будут искренними. Однако во время показа никакой особой реакции от жены и дочери не последовало. Это было самым ужасным из всего, что могло произойти. Серён тихо хлопнула в ладоши, Хаён улыбнулась, скорее для приличия. А её глаза совсем не улыбались. И когда он спросил жену: «Что, не нравится?», та ответила: «Да нет, нравится». Для него это было равносильно фразе «Как это ужасно!». Утром следующего дня Ёнчжэ сразу унёс город под куполом на склад. Там он накрыл его плотной тканью и больше к нему не возвращался. Зато, поднявшись на гору Серёнбон, он обрубил с ольхи ветки, сделал из них розги и развесил по всему дому.

Зима сменилась весной. Утром первого апреля, когда солнце уже пригревало, Ёнчжэ отпер склад, потому что пора было приступить к новому шедевру. Пора было забыть о боли прошлого Рождества и приложить все усилия для создания нового мира. Насвистывая, он достал стремянку, которую приставил тут же к стене, и топор. В это мгновение откуда-то донёлся странный звук. Кто-то то ли пищал, то ли мяукал. Ёнчжэ остановился и, прислушиваясь, понял, что звуки исходят из домика с куполом.

Он взял в руку топор, тихо подошёл к домику и, протянув руку, резко сдёрнул ткань. Внутри купола сидела кошка, похожая на рысь. Она подняла вертикально хвост, выгнула дугой спину и угрожающе зашипела. За ней шевелились три котёнка. Вход в купол был сломан, на его месте зияла дыра. В нескольких местах обвалились стены, с одной стороны проломила крыша. Город был разрушен до неузнаваемости. Семья, сидевшая до этого на скамейке, валялась под лапами кошек.

В этот момент Ёнчжэ рассвирепел как зверь. Этому не могло быть прощения. Их ни за что нельзя было простить. Не важно, человек это сделал или животное. Любой, кто посмел тронуть его собственность, должен быть наказан. Одной рукой он достал одного из котят из купола. Острые когти впились в его руку через шерстяную рубашку. Он отпустил котёнка и освободил руку. Из длинной царапины текла кровь, а кошка готовилась ко второй атаке. Она выгнула спину, обнажила зубы и зашипела.

Когда Ёнчжэ увидел кровь, ярость в нём закипела ещё сильнее. Он поднял купол и откинул его себе за спину. В этот момент кошка, вскочив на задние лапы, прыгнула ему на грудь. Он махнул топором, и кошка упала. У нее была почти полностью перерублена шея. Его рубашка и лицо были испачканы кровью. За это время котята куда-то исчезли.

Ёнчжэ схватил кошку за хвост и повернулся к двери. Там стояли Хаён и Серён. Их лица были мертвенно бледными. Обе они уставились на кошку в его руках. Когда он сделал шаг в их сторону, они попятились. Глядя на них, можно было подумать, что он держит в руке труп не кошки, а человека. Мёртвое животное он бросил во дворе.

«Позови Лима».

Хаён не ответила и даже не шевельнулась. Она вместе с Серён стояла на дорожке у дома и смотрела на мужа. Он думал, что смог приучить их не смотреть на него как на сукиного сына, а сразу отвечать «да», когда он что-то велит сделать, и выполнять его приказы в считанные минуты. Вроде такие простые вещи, но Хаён и Серён всё время о них забывали. В его голове секундная стрелка отсчитывала: четыре, три, два...

Этим двум сучкам повезло. Из леса, будто телепатически услышав его приказание, появился Лим. Если бы не он, этим двум пришлось бы копать землю своими нежными ручками. Ёнчжэ вернулся на склад и, всё там перерыв, нашёл двух котят. Он похоронил их вместе

с кошкой в яме, вырытой Лимом. Одного он так и не нашёл. Ему тоже очень повезло, как и этим двум особам.

Весь день дома царило гробовое молчание. Настроение его менялось стремительней, чем погода в горах. Жена и дочь никогда не помогали сохранять покой и счастье, которые были для него самыми важными ценностями. В ту ночь было ещё хуже. Они будто сговорились всё делать так, чтобы свести его с ума. Серён сразу начинала икать, как только встречалась с ним взглядом. Когда он прикасался к ней, она икала, страшно дрожала и пятилась от него назад. Перед сном Хаён окончательно довела его до нервного срыва. Она должна была ждать его в постели, а сама в это время разговаривала в его кабинете по телефону. Она произнесла: «Я попробую...», её лицо было оживлённым. Он не видел её такой уже несколько последних лет.

«Что это ты попробуешь?» – тихо спросил Ёнчжэ, стоя у двери. Он заметил, как спина Хаён напряжённо дёрнулась.

«Да ничего особенного», – ответила она, положив трубку и обернувшись к нему. Он почувствовал, как кровь приливает к его щекам. В словах жены ему слышалось: «Тебе не нужно знать». Он подумал, что настало время «исправить» её манеры. На этот раз он решил подойти к делу со всей строгостью, чтобы эта дура хорошенько усвоила, как надо разговаривать с мужем.

«Что ты сказала?»

«Я сказала: «Ничего особенного...»

Она широко раскрыла глаза. Похоже, она поняла, что следует за этими её словами. Но было уже поздно. Он подскочил к ней и кулаком ударил её в лицо. Со всего размаху, так, чтобы низом живота она стукнулась об угол стола и покатилась по полу.

«Попробуй ответить так ещё раз».

«В Ассоциации... женщин из казённых квартир меня попросили научить печь яблочный пирог...»

Он схватил Хаён за волосы и поднял её таким образом, чтобы она опять низом живота ударилась об угол стола, ведь нельзя было простить ей эту ложь. Он хотел посмотреть на её телефоне, с кем она разговаривала, но номер абонента отсутствовал.

«Кто это?»

Она крепко сжала губы. Глаза её стали пустыми. Молчанием и пустым взглядом Хаён отвечала на нежелательные вопросы. Это бесило его с самого начала их отношений. Так Хаён пыталась выскользнуть из-под его власти. Что ж, у него оставался только один способ разрешения ситуации: ударить её несколько раз кулаком, а потом отстегать розгами. Розгами по голому телу. Это не повредит её внутренние органы, но причинит ей сильную боль и унижение. Именно это часто помогало разомкнуть ей рот и заставить говорить правду, иногда даже молить о прощении. Конечно, сразу он никогда не прощает. Последний этап «исправления» – изнасилование.

В этот день он тоже подверг её всей этой процедуре. Раздел её догола и израсходовал целую охапку розог. Но произошло непредвиденное. Хаён не вымолвила ни слова. И к тому же у неё пошла кровь. Она схватилась руками за низ живота и застонала от боли. Когда Ёнчжэ закончил её насиловать, он понял, что она не притворяется и что нужно отвезти её в больницу.

Оказалось, она была на одиннадцатой неделе беременности. Врач удивился, что Хаён не знала об этом. Она ответила, что понятия не имела, так как у неё были нерегулярные месячные. Судя по её шокированному виду, это была правда. Ёнчжэ спросил у врача, кто это – мальчик или девочка. Врач сказал, что на таком сроке определить пол невозможно.

«Уже одиннадцатая неделя. Ведь можно узнать...»

Врач встал и ответил:

«Ну, наверное, либо девочка, либо мальчик».

Хаён отвезли в операционную. Ёнчжэ сидел на скамейке за дверью. Он был так же сильно потрясен, как и она. Нет, всё-таки шок у него был, похоже, сильнее.

В его жизни не хватало только одного – сына О Ёнчжэ. Он целых девять лет очень старался. Но жена не могла не то что родить сына, а вообще забеременеть. Врачи говорили им, что у них нет проблем с зачатием, поэтому нужно просто спокойно ждать. В последнее время он почти отчаялся. Он и представить себе не мог, что услышит слова «ребёнок погиб» и что, возможно, это умрёт его сын. По коже бегали мурашки, когда он слышал, как Хаён дышала через трубку. Он ощущал нестерпимую боль, будто все его тело рубили на части. В этой боли он убедил себя, что погибший ребёнок действительно был мальчиком.

Когда Ёнчжэ привёз жену домой, он сказал ей, что сын не выжил из-за её неосторожности и безответственности, что, пока она дрыхла под наркозом, он страдал в одиночестве от страшного шока, предательства и душевной раны. По словам адвоката, первая запись на телефоне начиналась именно с этих слов.

После этого Хаён начала меняться. Она стала многословной и разговаривала с ним беспристрастно, словно диктор, объясняющий по радио текущую ситуацию и положение дел. Всё это было зафиксировано в другой записи. Кроме того, письменно она сообщила следующее:

Я сохраняла свой брак двенадцать лет, потому что очень боялась, что муж может убить меня или даже дочку, если я потребую от него развода или убегу из дома с дочерью. В конце концов, я всё-таки решилась на побег, так как осознала, что если не покончу со всем этим, то мы с дочерью точно погибнем.

Он был в полном замешательстве: выходит, он совсем не знал Хаён. Та, которую он знал, не была хладнокровной и не продумывала каждый свой шаг. Она не была также жестокой и не стала бы использовать дочь, чтобы выиграть суд. Она прекрасно знала, что будет с дочерью, если убежит одна. Вот такая женщина однажды неожиданно превратилась в непонятное существо сродни окаменелости, пролежавшей миллионы лет глубоко в земле. Как такое возможно? Между двумя этими Хаён огромная, как безбрежный океан, пропасть. Что случилось? Кто её направлял?

Конечно, не кто иной, как тесть. Он также был единственным человеком, способным получить признание внучки. Серён была неразговорчива. Так Ёнчжэ воспитал свою дочку. Он был почти уверен, что посторонним вмешательством в их семейные дела он обязан тестю. Но по совету адвоката Ёнчжэ ничего не предпринимал. Теперь же можно было себя не сдерживать. Суд закончился, адвокат уволен.

Ёнчжэ вышел из отеля и отправился в город Ёнин. В торговом центре, где продавали электронику, было немногочисленно. В ремонтной мастерской народу было и того меньше. Тесть разговаривал с кем-то по телефону. Увидев Ёнчжэ, он сразу положил трубку. На его лице появилось явное напряжение. Ёнчжэ сел на стул, положив ногу на ногу.

«Где Хаён?»

Встав с места, тесть протёр сухой тряпкой экран телевизора.

«Она со мной не связывалась».

«Я дал вам целых четыре месяца, я надеялся, что вы уговорите Хаён вернуться ко мне. Мне и в голову не приходило, что это вы направляли её действия, помогая развестись со мной».

В это время клиент с пылесосом вошёл в мастерскую. Ёнчжэ встал:

«Передайте Хаён, что я даю ей неделю. Если она за это время не вернётся, то больше не увидит дочь».

Тесть посмотрел на него без каких-либо эмоций. Ёнчжэ улыбнулся. Наверно, этот старик раньше всех узнал о решении суда и очень хочет верить в правосудие.

«Для меня решение суда не имеет никакого значения. Хаён поймёт, что я имею в виду».

Ёнчжэ выезжал на развязку, ведущую в город Серён. Он не хотел обращаться с апелляцией в высшую инстанцию. Он решил дать ещё один шанс сотрудникам «Supporters». Он прикажет им обшарить всю страну и, если понадобится, порыться даже в преисподней, чтобы

найти Хаён. С её головы не должен упасть ни один волосок, никто не имеет права дотрагиваться до неё, так как она – только его собственность. Она должна вернуться на своё место и получить наказание согласно его законам. Но, конечно, первой будет наказана предательница-дочь, которая сейчас дома.

Дождь припустил сильнее. Когда Ёнчжэ приехал домой, уже лило как из ведра. Он раскрыл зонт и медленно поднялся по лестнице на крыльцо.

Когда он открыл дверь, то увидел кроссовку Серён с загнутым задником. Вторая криво лежала на пороге. Как дикий жеребёнок, она сбросила их тут и убежала в дом. Он смотрел на комок земли в прихожей и на отпечаток руки на зеркале. Под вешалкой валялись портфель и мешок со сменкой. Из темноты гостиной доносилась мелодия – от игрушечного колеса обозрения. Ёнчжэ оставил в прихожей зонт, вошёл в гостиную и включил свет. Над вешалкой висела доска для записей. Утром, уходя из дома, он приклеил на неё одиннадцать стикеров, теперь там ничего не было. Их не мог унести ветер, так как стеклянная дверь и окно у лестницы были закрыты. Занавески в гостиной были аккуратно собраны. Днём дома убиралась домработница, значит, стикеры позже сорвала Серён.

Он нашёл их за десять секунд. Они были наклеены на фотографию, висевшую в гостиной на стене за диваном. Если точнее, они были наклеены на лицо папы.

Первая записка на лбу. «Я еду в Сеул на научный семинар. Планирую вернуться завтра после обеда».

Вторая на левом веке. «Все вещи должны быть на своих местах».

На правом веке третья. «Строго соблюдать все правила».

Остальные восемь штук были приклеены между улыбающимися губами.

«Перед входом вытирать руки».

«Не трогать руками зеркало».

«Обязательно подходить к телефону раньше, чем раздадутся три звонка».

«Не играть в маму».

Обвешанное стикерами лицо на фотографии стало похоже на лицо идиота: висящие веки, вытянутый синий язык и губы, растянутые в улыбке. Он представил себе, как смеётся и радуется Серён, превратив его в посмешище. Конечно, у него тоже было чувство юмора, но сейчас он был не в настроении хвалить Серён за остроумие. Когда он подумал, что она развлекалась так каждый раз, когда он уезжал из дома, в нём закипела злость. Жена вонзила нож в спину мужа, а дочь смеётся над отцом. Они стоят друг друга.

Ёнчжэ оторвал все записки и вошёл с ними в гостиную. Повсюду были следы осмелевшей Серён, которая делала всё, что он ей запретил. На туалетном столике Хаён была рассыпана пудра и неаккуратно разложена косметика. Под стулом валялся пузырёк от лосьона. Он открыл шкаф Хаён: было видно, что там кто-то шарил. Одна вешалка была пуста. Он вынул из кармана ключи от машины и кошелёк и положил их на туалетный столик. Пиджак и галстук повесил в шкаф. Закатал рукава сорочки и пошёл в комнату Серён. Он открыл дверь: комнату было не узнать.

За порогом на полу лежали шорты Серён, скрученные восьмёркой. Тут же валялась рубашка, рукава которой были вывернуты наизнанку. Один носок был свёрнут шариком. На полу были рассыпаны конфетти, цветные бумажки, ненадутые резиновые шарики. На столе горели три свечи, а рядом с ними находились легко воспламеняющиеся плюшевые игрушки в колпачках. Перед ними под музыку, которую часто включала её мама, вращалось колесо обозрения. Когда-то он убрал его на склад. Из приоткрытого окна в комнату заливал дождь. На подоконнике стоял огарок от спиральки для комаров. Серён спала на кровати. Волосы были распущены, лицо покрыто пудрой, ресницы очень густо накрашены, губы с розовой помадой, на ней была мамина блузка без рукавов, которая еле прикрывала её тело. Из-под неё торчали голые ноги. Серён была похожа на маленькую проститутку из фильма «Водитель такси».

Ёнчжэ вздохнул. Что-то очень горячее и свирепое вихрем двигалось в его желудке, словно он выпил натошак водки. Он подошёл к кровати и, нагнувшись, сказал на ухо дочери: «Серён».

Никакого ответа не последовало. Под закрытыми веками медленно двигались глаза. Было такое ощущение, будто она находилась на грани сна и реальности. Он протянул руку и, поглаживая большим пальцем, обнял её за шею. Её кожа была влажной и очень мягкой.

«Открой глаза».

Глаза Серён перестали двигаться.

«Твой папа пришёл».

Ёнчжэ смотрел на дрожащие ресницы дочери. Было видно, что её дыхание становится тяжёлым, волоски на щеках встали дыбом, а под его большим пальцем запульсировало горло. Серён не открыла глаза.

«О Серён».

Он с силой вжал палец во впадинку на шее. Этим он дал ей понять, что знает, что она не спит. Это означало: «И не мечтай, что пронесёт». Это было предупреждением: «Если ты сейчас же не откроешь глаза, я сам заставлю их открыться». Серён открыла глаза, её зрачки бегали от страха и смотрели на отца. Её взгляд говорил, что она прикидывает свои шансы выжить сегодня.

«Моя красавица, я тебя поздравляю с днём рождения».

Он обхватил её рукой, притянул к себе и поднял, словно переключая скорости в машине. И сразу же начал «исправление». Серён отрешённо смотрела на кулак, летящий к её лицу. Когда кулак стал возвращаться назад, Серён перевернулась и упала на кровать. На белом одеяле расплылись красные пятна. Сзади он схватил её за волосы и снова поднял на ноги. Потом потянул волосы вниз, заставив её смотреть ему прямо в глаза. По её подбородку из носа текла кровь. Из губ доносился стон.

«Весело было, да?»

Он показал ей одиннадцать записок. Серён покачала головой.

Ёнчжэ ударил Серён головой о стену. Она отскочила и упала на пол. Из открытого рта выпали два маленьких белых комочка. Ёнчжэ подумал, что это, наверно, передние зубы. Он включил в комнате свет, но зубы уже где-то затерялись. Хотя они ей больше не понадобятся. Он погасил большим пальцем свечи и выдернул из розетки колесо обозрения. Эта тяжёлая штукавина уже лежала в его руке. То, что надо.

Серён задом отодвигалась назад к столу и качала головой, словно умоляя: «Не надо». Окровавленные губы пытались улыбаться. Так она просила его остановиться.

Колесо обозрения пролетело мимо щеки Серён и ударилось об угол комнаты. С грохотом оно разбилось и упало на пол. Серён застыла с ужасом на лице. Одна слезинка скатилась по её щеке. Струйка мочи между ног окрасила белую блузку в жёлтый цвет.

«Я же сказал тебе не трогать вещи мамы. Ты уже забыла?»

Серён моргала глазами. А Ёнчжэ подумал: знает ли эта маленькая потаскуха, что колесо обозрения пролетело мимо не случайно, а только потому, что папа сдерживал себя изо всех сил?

«Да, теперь пора указать тебе на ошибки. Вставай».

Он снял кожаный ремень – инструмент для указания на ошибки. Серён еле-еле встала, прислонившись спиной к стене.

«Раздевайся».

В этот момент со стороны окна раздался гулкий звук. Ёнчжэ невольно обернулся. На подоконник запрыгнул кот. Этот неожиданный гость пригнул верхнюю часть туловища и присел на лапы, готовясь к прыжку. Он враждебно смотрел на Ёнчжэ. Его короткая шерсть встала дыбом, как щётка для обуви. Он напомнил ему кошку, которую он убил когда-то давно. В этот

момент он вспомнил про котёнка, которого не удалось поймать. Пока он размышлял, почему этот кот ни с того ни с сего появился здесь, произошло то, чего он не ожидал. Серён схватила со стола подсвечники.

Прежде чем он успел что-то сказать, один из подсвечников полетел ему в лицо. Он попытался отбить его рукой, но не сумел. Подсвечник ударил его прямо в лоб. Горячий воск полился ему в глаза. Сразу же прилетел второй подсвечник и врезался в переносицу. Было ощущение, будто его лицо сварилось, а в ноздри затекла лава. Под ноги посыпалось стекло. Он закрыл глаза руками и застонал.

Непонятно, сколько прошло времени. Он прыгал как сумасшедший, вытирал нос, счищал воск с век. Когда он пришёл в себя, Серён в комнате не было. Кот тоже исчез.

Он взял салфетки и вытер лицо. По-прежнему было горячо и очень больно. Казалось, будто кожа на лице сходилась вместе с салфеткой. Воск застыл и покрыл всё лицо, оттереть его было сложно. Кожа под воском горела.

Ёнчжэ обычно не суетился и не бегал. Он всегда двигался очень грациозно и плавно, но теперь ему было не до изящества. Он с шумом бросился в гостиную так, что даже задрожал потолок. На кухне, подбежав к холодильнику, дрожащей рукой он достал лёд, положил его в пакет и приложил к лицу. Затем Ёнчжэ устремился в свою комнату, схватил ключи от машины и выскочил на улицу. Спускаясь по лестнице, кнопкой включил зажигание. Он не стал разворачивать машину: обе руки у него были заняты. Одной он прикладывал к лицу лёд, а другой переключал скорости. Машина шумно задом поехала к воротам. Он направился в сторону ворот, так как понимал, что Серён могла побежать только туда. Калитка за домом вряд ли открыта.

Когда Ёнчжэ подъехал к воротам, шлагбаум поднялся, и он на большой скорости выехал на дорогу. Он был не просто зол, а весь клокотал от гнева и шока. Жёлтые языки пламени стремительно бежали по его жилам и сжигали его разум. Последнее, что отделяло человека от животного, полностью сгорело. Его глаза были нацелены только на то, чтобы найти Серён, все органы чувств искали её след. Сознание было направлено на одну-единственную мысль – как наказать девчонку. Его пульс бился, как у бегуна Карла Льюиса. Он проехал мимо ворот, мимо школы, медпункта. Школьная дверь была закрыта, в медпункте не было света, все магазины заперты. Кажется, все ушли пораньше из-за обряда поминовения. Свет горел только на заправке и в полицейском участке. В конторе АЗС какой-то парень смотрел телевизор. В участке престарелый полицейский дремал, положив ноги на стол. Серён нигде не было. Стоял туман, шёл дождь, но это не мешало Ёнчжэ прекрасно видеть, что происходит вокруг. Ярко горели фонари, дорога вдоль торговой улицы тянулась прямо до моста, да и он уже давно привык к туману на озере Серёнхо.

Ёнчжэ объехал Нижнюю деревню. Там было до странности тихо, казалось, что вокруг ни души. Наверно, обряд рано закончился из-за непогоды. Он выехал из деревни. И у въезда на мост позвонил старику Лиму, управляющему лесопарком. Как он и ожидал, тот выпивал на заправке. Он спросил, не приходила ли туда Серён.

«Нет, я не видел её», – медленно ответил Лим хриплым голосом.

Направив машину в сторону здания управления дамбой, Ёнчжэ дал ему распоряжение немедленно вернуться с заправки, закрыть ворота в лесопарк и вместе с охранником начать в лесу поиски Серён. И если они найдут её, сразу же ему сообщить.

Ёнчжэ остановил машину у поста охраны перед входом в управление дамбой. Через маленькое окошко выглянул охранник, которого он несколько раз видел на дороге перед домом. Кажется, его фамилия была Пак, он был начальником.

«Моя Серён случайно сюда не приходила?»

«С какой стати в такую ночь она сюда придёт?» – ответил Пак вопросом на вопрос.

Ёнчжэ хотел знать наверняка:

«Так приходила или нет?»

«Не приходила».

Ёнчжэ посмотрел на первый мост. На сваях горели фонари, кроме света, там ничего не было. Туман заслонил мост, как бетонная стена.

«Могу ли я въехать на первый мост?»

Когда Ёнчжэ задал этот вопрос, Пак удивленно проворчал:

«Это не то место, куда может пойти маленькая девочка».

Ёнчжэ был раздражён. Что, сложно ответить по-человечески?

«Вы можете убрать цепи, которыми закрыт въезд на мост, чтобы я туда проехал?»

Пак покачал головой.

«Нет, не могу. Мне нельзя покидать пост».

Так отвечать было совсем не вежливо. Более того, выражение его лица словно говорило: «Ага! Всё понятно». Он хитро смотрел на Ёнчжэ и разговаривал таким тоном, будто перед ним был просто какой-то лавочник. Ёнчжэ еле сдерживал себя, ему очень хотелось напомнить Паку, что он живёт в доме, принадлежащем ему. Ничего не оставалось, как покинуть это место. Он направился в сторону задней калитки лесопарка и остановил машину у въезда на первый мост. Дальше он пошёл пешком. Там не было ни души. У поста охраны водных ворот, где уже не горел свет, он опять набрал телефон Лима. Тот сказал, что они ищут Серён в лесу, но пока её не нашли. Ёнчжэ понял, что осталось последнее место – дорога вдоль озера.

Ёнчжэ думал: неужели она пошла туда? С ума сошла? Но он поехал, чтобы проверить. Даже при включённых фарах видимость была не более десяти метров. Здесь туман был ещё плотнее. Накрапывал дождь. Глядя в лобовое стекло, он проехал первый вход и первый поворот. Подъехав к водонапорной башне, он увидел, как что-то белое мелькнуло и исчезло. Что-то двигалось, и это не было предметом. Он нажал ногой на педаль газа и подумал: «Конечно, трудно понять, что нечто белое движется в белом тумане, как сложно разглядеть рыбку американский вьюн, плавающую в грязи». Не снижая скорости, он проехал второй поворот. Дорога шла зигзагом. Вскоре показалась дверь, ведущая к причалу. Он потёр рукой глаз, в который попал воск. Прошла всего секунда. Именно в это мгновение Ёнчжэ потерял движущийся объект из виду. Только туман, который нёс ветер, стелился у него перед глазами. Он доехал до съезда к ферме: здесь дорога вообще заканчивалась, и он по-прежнему не видел ничего, кроме тумана. Со лба стала сходить кожа, льдом он пытался унять боль и собраться с мыслями. Может быть, я обознался. Может быть, колыхание тумана я принял за человека. Будь то человек, он не мог просто исчезнуть, да и некуда. С одной стороны проволочный забор, с другой – горный обрыв. Единственный выход оттуда – тропинка на ферму, но она была полностью погружена в туман и темноту.

Ёнчжэ вернулся к машине. Задним ходом он с огромной скоростью помчался в сторону причала. Доехав до железной двери, он свернул. Как раз там, в этом месте, он потерял из виду движущийся объект. Он вышел из машины с фонариком. На железной двери не было замка. Он толкнул дверь ногой, но она была закрыта изнутри; под дверью он увидел щель примерно тридцать сантиметров высотой. Серён, возможно, могла туда пролезть.

Фонарем Ёнчжэ освещал обрыв, ведущий к озеру за дверью. Он полностью зарос травами и небольшим кустарником. Если Серён туда залезла, то найти её, скорее всего, невозможно. Обрыв тянулся вдоль озера от причала до дамбы на расстояние более километра. Чтобы как следует его прочесать, ему понадобилась бы помощь всех жителей деревни. Но уйти просто так он тоже не мог. Поэтому он стал звать Серён.

«Серён, дочка, ты здесь?»

Как он и ожидал, никакого ответа не последовало.

«Если ты спряталась, испугавшись меня, то можешь выйти. Если ты раскаиваешься, я не буду тебя больше наказывать».

Он старался изо всех сил говорить спокойно.

«Сегодня у меня был сложный день, голова была забита разными проблемами».

Со стороны озера поднимался влажный ветер. Листья трепетали и шуршали. Он расставил ноги и встал поближе к проволочной ограде, двигая фонариком, как поисковым прожектором, и сказал:

«Когда я вернулся домой, все вещи были не на своём месте. А я так хотел отдохнуть...»

Ёнчжэ замолчал. Пока он говорил, эмоции взяли над ним верх. Он подумал: «Чёрт возьми, чем я сейчас занимаюсь? Несмотря на усталость, я брожу под дождём в тумане и чуть ли не плачу из-за какой-то жалкой потаскухи». Когда он снова заговорил, изо рта вырвались слова, которые он до этого сдерживал:

«Эй ты, сука! Ты вывела меня из себя».

Он зажал фонарик между зубами и стал обеими руками трясти ограду. Затем поставил ногу на проволоку и подпрыгнул, как будто хотел перебраться через неё, чтобы Серён, если она смотрит на него, подумала, что он сейчас до неё доберётся. Но по-прежнему было тихо. Он подождал несколько секунд – ни звука.

Ёнчжэ слез с ограды. Конечно, он не собирался через неё перепрыгивать. Он никогда этим не занимался и не хотел порвать свои штаны. Более того, вероятность поймать Серён была ничтожно мала. Да и вообще вряд ли в дождливую ночь двенадцатилетняя девочка забралась туда, где не было ни одного фонаря. Он её отец и знает её характер. Она, конечно, смелая, но не до такой степени, чтобы залезть на вершину обрыва возле озера. Более вероятно, что она спряталась в лесопарке. Он вытер руку о штанину и снова позвал Серён.

«Я досчитаю до трёх, и ты выйдешь ко мне. Тогда я на всё закрою глаза. Один, два».

Никакого ответа.

«Ладно. Ты хочешь со мной поиграть? Посмотрим, сколько ты сможешь выдержать».

Он без колебаний покинул причал. Старик Лим и охранник Квак тоже никого не нашли. Они обыскали даже подвал, но и там никого не было. Похоже, что она узнала от мамы секрет, как исчезать без следа. Он оставил их на посту охраны ждать от него дальнейших распоряжений и поехал в сторону дома. Вернувшись домой, он решил всё обдумать. Что он упустил? На что не обратил внимания?

Ёнчжэ планировал остановить машину у себя во дворе, но притормозил перед сто вторым домом, так как в гостиной горел свет. Он подумал, что теперь понятно, где Серён. Когда человек загнан в угол, он обычно ищет того, кто когда-то выказал к нему доброту или был с ним обходителен. Таков человеческий инстинкт. Он на цыпочках поднялся по лестнице и нажал на кнопку звонка. Никакой реакции. Снова нажал два-три раза. Никакого ответа. Он подошёл к клумбе и прислушался. Из гостиной доносился глухой звук включённого телевизора. Значит, там должен быть человек. Или эти двое, затаив дыхание, смотрят на него. Нет, а вдруг... Этот идиот из сто второго дома дотрагивался до Серён? Тогда я убью его и закопаю его кости на горе Серёнбон. Если Серён цела и невредима, тогда я засажу его на десять лет в тюрьму за похищение ребёнка.

Ёнчжэ обошёл дом сзади. Окно было закрыто, но не на задвижку. Внутри было темно. Он открыл окно и влез на подоконник. Комната была пуста, свет был выключен, но через открытую дверь туда падал свет из гостиной. Он разулся, оставив обувь на подоконнике, и спустился в комнату.

Рядом с окном на столе лежал ноутбук, на котором было открыто несколько вкладок, на столе лежало много всяких вещей. Например, две банки пива, стеклянный стакан, внутри которого лежали окурки, записная книжка, ручка, сотовый. В гостиной работал телевизор, но никого не было. Он заглянул всюду в поисках Серён: в комнату, на веранду, в ванную, в подвал, даже открыл стенной шкаф.

Никого. Хотя всё говорило о том, что недавно тут кто-то был... Через секунду ему в голову пришла мысль: опять этот идиот отнёс Серён в медицинский пункт.

Надеюсь, на этот раз он не позвал полицейских. Наверно, он тихо окажет ей медицинскую помощь и вернёт обратно. Ёнчжэ вынул из коробки на обеденном столе несколько салфеток. Он вытер ими свои следы, накапавшую воду, вылез обратно через окно и закрыл его.

Ёнчжэ направился домой. Там он закрыл окно в комнате Серён. Потушил свет во всём доме. Поставив кресло у окна в гостиной, он сел и решил таким образом спокойно дожидаться этой парочки.

Хёксу всё время тёр глаза. В машине с закрытыми окнами очень хотелось спать. А когда он опускал стекло, внутрь заливал дождь. Кондиционер тоже совсем не помогал проснуться. Его сознание и органы чувств то и дело выходили из-под контроля. Спидометр показывал сто двадцать километров или выше, но ему казалось, что машина еле тащится. Мимо пролетали дорожные указатели и вывески. А у него было такое ощущение, что он плывёт в какой-то пустоте на воздушном шаре.

Именно поэтому, как только он въехал на развязку у города Серён, он пропустил нужный съезд к озеру. Когда он остановился, то обнаружил, что приехал не к озеру Серёнхо, а к Пхарёнхо. Он развернулся и снова доехал до развязки, потеряв целый час.

Выезжая на дорогу к озеру Серёнхо, он попытался ещё раз связаться с Сынхваном. Его сотовый и домашний не отвечали. Если там никого нет, то какой смысл туда ехать? Значит, из данных ему Ынчжу поручений он может выполнить только одно – посмотреть квартиру. Немного подумав, он решил, что это даже к лучшему: можно не обсуждать с Сынхваном неудобные вопросы. При этом будет что сказать Ынчжу. Я приехал туда с небольшим опозданием, а сосед куда-то ушёл, оставив только код от двери, поэтому удалось только посмотреть дом.

Хёксу сунул мобильник в карман рубашки и застегнул пуговицу. Машина въехала на улицу с магазинами. Магазинов было совсем мало, и все они были закрыты. Безлюдная улица была погружена в туман, который походил на живое существо, угрожающе ползущее на Хёксу, закрывая ему видимость. Из-за этого он не заметил ворота в лесопарк, которые находились в начале торговой улицы.

Он проехал улицу до конца и упёрся в третий мост. За ним ничего не было видно из-за тумана. Он увидел только большое электронное табло, установленное у моста. Оно светилось красным. На нём горели показатели воды у дамбы: её уровень, объём сбрасываемой воды и количество выпавших осадков. Под ним он еле разглядел дорожный указатель. Там было написано: «Управление дамбой и водные ворота. После моста направо», «Задний вход в лесопарк – прямо перед мостом направо». Хёксу так и сделал – повернул направо, доехав до моста.

Дорога поднималась вверх. Там был плотный туман, надвигающийся на тебя прямо из темноты. Видимость стала совсем никудышной, ничего не видно. От фонарей не было никакого толку. Он с трудом разглядел указатель с надписью «Задний вход в лесопарк». Дорога резко потемнела и сузилась до одной полосы. Перед ним возник крутой поворот, описывающий полукруг. Скорость была высокой, соответствующей опьянению Хёксу. Он не успел сориентироваться и резко вывернул руль. С большим шумом машина вписалась в поворот, но её занесло. Показался второй поворот. Хёксу нажал на тормоз и вывернул руль в другую сторону. Из-за этого он не заметил неожиданно возникший объект. Когда он посмотрел вперёд, объект уже приземлился на капот. В голове стало пусто-пусто. Ногой он резко ударил по тормозам, но было уже поздно. В полубессознательном состоянии он услышал скрежет тормозов. Его глаза давно привыкли к бейсбольному мячу, который летит со скоростью больше ста километров в час. Поэтому он в деталях увидел то, что запомнил на всю жизнь. Длинный белый предмет, притёршийся к машине справа и падающий на капот. Распущенные волосы и голова, бьюща-

яся о лобовое стекло. Из-за удара тело отскочило под углом в сорок пять градусов и упало на дорогу. Поднялись брызги, тело прокатилось под дождем и замерло.

Хёнсу показалось, что он услышал короткий крик. Может быть, это он сам вскрикнул. Он не был уверен на все сто. Машина остановилась, врезавшись бампером в проволочную ограду. Головой он ударился о руль. Ремень безопасности удержал его тело, которое чуть не вылетело наружу. На мгновение у него перехватило дыхание: всё перед ним дрожало, будто его несло сильное течение. Он очень долго не мог прийти в себя от шока. В два раза больше времени понадобилось, чтобы поднять голову. Фары освещали именно то, что врезалось в его машину и отлетело. Длинное белое тело под углом лежало на дороге.

Хёнсу держался за руль и не двигался. Он смотрел не на белое тело перед собой, а на разбитый вдребезги мир одного мужчины. Он вспомнил эпизод шестилетней давности.

Бейсбольный стадион «Самсиль», первая верхняя часть девятого иннинга¹¹, один игрок в ауте, а другой уже на первой «базе». Они долго проигрывали с разницей в три очка и еле сравнивали счёт. Их тренер отправил на поле замену, и результат оказался плачевным. Противники поймали отбитый мяч и отправили в аут игрока на первой «базе». Настало время меняться местами. Во второй части девятого иннинга их тренер сразу заменил и питчера, и кэтчера. Прозвучало объявление: «Питчер – Ли Санчхоль, кэтчер – Чхве Хёнсу».

Когда Хёнсу вышел на поле, он был весь в ожидании чего-то хорошего, но чувствовал и страх. Перед выходом на поле он посмотрел на болельщиков, сидящих около первой «базы». Среди них была Ынчжу, которая хотела посмотреть на игру мужа, впервые вошедшего в основной состав. Шестилетний Совон стоял рядом с мамой и кричал. Его детский голос пробился сквозь гул трибун и долетел до Хёнсу.

«Папа!»

Хёнсу надел маску кэтчера, а Ли Санчхоль, разминаясь, начал бросать мяч.

На самом деле Хёнсу был когда-то в основном составе, его сильной стороной были врождённая сила и проницательный взгляд, помогающий правильно оценить ситуацию. Однако ему не хватало смелости и стабильности в защите. Все говорили, что если он разовьёт свои сильные стороны и преодолеет слабые, то сможет стать очень хорошим кэтчером. Об этом ему говорили ещё в университете. Но, когда он начал играть в профессиональной команде, дела пошли совсем плохо. Все его лучшие качества исчезли, а на первый план вылезли одни слабые стороны. Особенно часто он делал ошибки в защите. В самый решающий момент в его левой руке мгновенно появлялась скованность, которая позже, правда, проходила. Онемение левой руки появилось ещё в школе и усилилось, когда он служил в армии. В профессиональной игре оно давало о себе знать регулярно. Во время важных игр в решающий момент мяч выскальзывал из руки. В такие мгновения он не мог ни бросить, ни поймать мяч. Он просто бегал в замешательстве, желая получить его обратно. Конечно, тренер и другие игроки вообще не понимали, что происходит. Для него это были небесная кара и ужас, которые он скрывал от всех. Хирург не мог толком объяснить, в чём дело. Невролог сказал, что это связано со стрессом, и велел его избегать. Это означало, что он должен уйти из спорта. Питчеры не доверяли Хёнсу. Защитники поля каждый раз, когда Хёнсу выходил в качестве кэтчера, сильно нервничали. Болельщики «Файтерс» прозвали его Воротилой. Тренер не включал Хёнсу в основной состав. А Хёнсу делал всё возможное, чтобы в него попасть. Он изо всех сил держался за своё место в команде. Терпел палящее солнце, пустой стадион, нехватку денег, страх быть проданным в другую команду. Он держался не из-за прежних амбиций стать лучшим игроком, а ради Совона. Для Совона он был героем, и он очень хотел показать сыну, что он хороший кэтчер,

¹¹ Иннинг – период бейсбольного матча, во время которого команды по разу играют в защите и нападении. Как правило, матч состоит из 9 иннингов. Полный иннинг состоит из двух частей: верх – одна команда играет в обороне, а другая – в нападении; низ – команды меняются местами.

заслуживший право играть в основном составе. Перед Совоном, который сидел на трибуне, он хотел сделать хоумран и подарить ему свою победу. Наконец-то момент настал. Значит, он должен полностью сосредоточиться на игре.

Первый игрок у противника вышел под номером один. Хёнсу подал сигнал питчеру бросить в его сторону слайдер¹². Мяч пролетел мимо, коснувшись шлема бэттера¹³, и отлетел в сторону. За это игрок получил первую «базу». Биту взял следующий игрок, его поза показывала, что он собирается отбить мяч бантом¹⁴. Это было ожидаемо. Хёнсу получил указание со стороны дагаута¹⁵ дать ему отбить. Шорт-стоп¹⁶ придвинулся ближе ко второй «базе». Защитник второй «базы» отошёл немного в сторону первой «базы». Такой способ защиты означал, что они хотят поймать первого игрока. Хёнсу дал знак питчеру бросить мяч внешним кёрвом¹⁷. Однако питчер не смог выполнить его указание. Мяч вышел за пределы страйк-зоны¹⁸. Как и все остальные его мячи. Таким образом, закончился выход второго бэттера, получившего первую «базу». В такой ситуации появился уже третий бэттер. Носками ботинок он выровнял землю, разминаясь, и два раза махнул битой. Хёнсу краем глаза наблюдал за ним и понял, что тому нравится отбивать с силой и когда питчер бросает фастбол¹⁹. Тренеры дали Хёнсу знак, что этот мяч надо взять во что бы то ни стало. Это было правильным решением. Тем более что следующий бэттер под номером четыре очень сильный и точный. Но была одна проблема: питчер был не в форме. Он не мог бросить мяч так, как его просили. Он допустил уже два фолла. При этом второй фол попал кэтчеру, отскочив от земли. Поймав этот мяч грудью, Хёнсу почувствовал, что перед глазами у него потемнело.

Игра шла совсем плохо. Хёнсу понимал, что сейчас надо подойти к питчеру и успокоить его, так как он очень волнуется. И таким образом остановить неблагоприятное течение игры. Однако Хёнсу обращал внимание не на питчера, а только на свою левую руку. Видно было, что аутфилдеры²⁰ боятся, что вот-вот может появиться Воротила. Хёнсу казалось, что все зрители смотрят только на его левую руку.

Хёнсу заказал питчеру чендж-ап²¹. Это фирменный бросок питчера Ли Санчхоля, при котором его мяч летит как фастбол, только неожиданно перед хоум-базой падает вниз. Однако мяч полетел без нужной скорости и ближе к бэттеру. В этот момент его бита резко ударила по мячу. Мяч улетел недалеко – к аутфилдеру. Для того чтобы первому игроку пробежать до «дома», это был слишком короткий удар. Однако первый игрок из команды противника, смело миновав третью «базу», устремился дальше. Поймав мяч, аутфилдер бросил его Хёнсу, и мяч влетел в его перчатку. Первый игрок, подняв ногу, скользнул к «дому». В этот момент у Хёнсу потемнело в глазах, нога этого игрока, двигавшегося с огромной скоростью, ударила Хёнсу в плечо. Он упал на землю, мяч выскользнул из перчатки, и он не смог его остановить, так как рука не шевелилась. Ему показалось, будто в плечо ему вонзился раскалённый крюк. На трибунах стояла тишина.

¹² Слайдер – подача на средней скорости, отклоняющаяся в сторону и вниз.

¹³ Бэттер – игрок нападения с битой, стоящий у «дома» перед кэтчером.

¹⁴ Бант – короткий удар, при котором бэттер не замахивается для удара по мячу, а просто подставляет под него биту.

¹⁵ Дагаут – скамья, где сидят игроки, запасные и другие члены команды.

¹⁶ Шорт-стоп – игрок защиты, находящийся между второй и третьей «базами».

¹⁷ Кёрв – кручёная подача.

¹⁸ Страйк-зона – пространство, находящееся непосредственно над «домом». Оно ограничено серединой груди игрока и его коленом.

¹⁹ Фастбол – прямая подача, при которой упор делается на скорость полёта мяча.

²⁰ Аутфилдер – игрок обороняющейся команды, патрулирующий внешнее поле.

²¹ Чендж-ап – прямая подача с переменной скоростью. Скорость руки как при фастболе, а скорость мяча меньше. Бэттер реагирует на скорость руки и взмахивает битой раньше, чем нужно.

Хёнсу навсегда запомнил этот момент. Тогда ему казалось, что прошла целая вечность, хотя на самом деле это длилось секунду или меньше. Он навсегда запомнил эту тишину, воцарившуюся на стадионе, когда и надежда, и вся жизнь разрушились в один миг. Запомнил крик сына в тишине: «Папа!»

Он убрал руки от руля. Ему казалось, что он услышал крик Совона. Он вытер потные скользкие ладони о рубашку, при этом не сводя глаз с белого предмета, лежащего перед машиной. Он очень хотел увидеть какой-нибудь признак надежды. Хорошо бы, чтобы его машина врезалась в указатель или в животное... Однако это была тщетная надежда, он уже знал, что это было. В его машину врезался ребёнок в белой одежде. Девочка с распущенными волосами, как призрак, влетела в его машину в неожиданном месте.

Хёнсу как в оцепенении вышел из машины. Он не знал, что ему делать. Он слышал стук своих шагов по мокрому асфальту. Двигаясь в тумане, он почувствовал запах, который давно забыл. Солёный запах, запах моря. Он пробудил в нём воспоминания. Перед глазами появилось поле сорго кровавого цвета, колосья колыхались, как волны, освещённые луной. Дул морской ветер. Из-за каменного утёса в конце поля мерцал свет маяка. По полю шёл мальчик с фонариком и ботинками отца под мышкой.

Хёнсу остановился. На расстоянии нескольких шагов лежала девочка, её лицо закрывали длинные волосы, которые спадали вниз и плавали в луже воды. Она была красной от крови. Виднелись оголённые ноги, одна из которых была сломана ниже бедра. Хёнсу показалось, что девочка не дышит.

Умерла? Он не мог этого проверить, так как боялся даже дотронуться до неё. У него не хватило смелости смотреть на неё дальше. Мысли о больнице или о спасательной службе были за пределами его сознания. Что-то сильно сдавило грудь, а в голове раздался знакомый голос. Он приказывал вернуться к машине, сесть за руль и покинуть это место как можно быстрее.

Хёнсу огляделся. Ни души. Ни домов, ни света фар. Только его машина освещала дорогу. Он повернул голову в сторону машины. Через трещины лобового стекла он увидел Ынчжу и Совона, сидящих внутри. Как и в тот день, когда его с силой ударили в плечо, на лицах Ынчжу и Совона были печаль и боль. В задней части машины, которая была полностью погружена в темноту, он увидел квартиру, которую они купили с большим риском, отдав всё, что имели. И где теперь они должны жить?

Хёнсу повернулся и шагнул к машине. Мысли беспорядочно роились в его голове. Алкоголь в крови и права, которые можно было восстановить через неделю, дождь и туман и водонапорная башня. Подсознание точно воспроизвело весь его путь. Башня была единственным местом, где не было проволочного ограждения на этой дороге. Вход на мост, который соединял водонапорную башню и дорогу, был перекрыт железной цепью. Дамба, где он служил до этого, не была отделена проволочной оградой, и он знал, что под башней есть подводный туннель. На рассвете, когда открываются перекрытия тоннеля, вода из озера с огромной скоростью течёт через горы, поля и под дорогами и доходит до водных труб какого-нибудь города.

Хёнсу остановился. В спину как будто ударило током. Его мысли не были лишены логики. Они выстраивались в чёткую цепочку. Хёнсу оглянулся через плечо назад. Девочка лежала поперёк дороги, где любой, въехавший туда, смог бы её увидеть. В уме встал вопрос, над которым он совсем не хотел думать: «Если я встречу кого-нибудь на этой дороге, запомнит ли он номер моей машины?»

Голос в голове снова дал ему совет: «Слушай, Воротила, подумай, что делать с твоим мячом?»

Этот голос появлялся постоянно. Он в любой ситуации всегда поддерживал выбор Хёнсу и находил ему оправдание.

Хёнсу вернулся к девочке. Он присел на одно колено возле её плеча. В глаза бросилось её лицо, страшное и странное. На нём был очень густой макияж. Веки с размазанной по ним тушью были похожи на чёрные дыры. Между разбитыми губами виднелась десна без передних зубов. Рядом с ней сидел он. Он, приближающийся к гибели. Вождение без прав и в пьяном виде, авария с летальным исходом...

Это было неправильно и несправедливо. Он за всю свою жизнь и мыши не убил. Ни одного преступления не совершил и не сидел в тюрьме. Никому не разрушил судьбу. Не бог весть о чём мечтал – хотел всего-навсего прокормить свою семью, вырастить сына и иметь возможность выпить одну-другую рюмочку сочной, когда ему этого захочется. Разве я так много хотел? Гнев, таившийся где-то в глубине и заслонённый испугом, разгорелся внутри него и перекинулся на девочку.

Кто ты такая? Если хотела умереть, то надо было броситься в озеро, а не под машину бедного мужчины, который с трудом поймал своё хрупкое счастье.

Хёнсу протянул руки в сторону девочки. Он хотел подсунуть ей под спину ладони и взять её на руки. Но в этот момент в нагрудном кармане зазвенел мобильник. Мелодия из сериала «Вирус Бетховена». Она взрывала тишину. Хёнсу замер, сердце оглушительно застучало. В этот момент глаза девочки, похожие на чёрные дыры, резко открылись. Из разбитых губ вырвалось: «Папа!»

Сам того не замечая, он закрыл её рот рукой. Мелодия телефонного звонка громом ударила его прямо в сердце. Тьма поглотила весь мир. Издалека эхом донёсся голос девочки. Папа...

Когда эхо смолкло, он уже стоял на мосту водонапорной башни. Разведя руки и страшно дрожа, он слышал, как стучат его зубы. Авария случилась примерно в ста метрах от башни. Что произошло в то время, как он двигался с места аварии до моста башни? Или что произошло перед этим? На это ответил голос.

В ночь, когда судьба неожиданно бросает брейкинг бол²², когда стоит густой туман и идёт дождь, когда пятница и никого нет, когда вокруг темно, а ты находишься около озера, когда девочка, которую ты принял за мёртвую, произносит «папа», когда телефонный звонок вибрирует на груди, ударяя в самое сердце, может случиться что угодно. Это хаос, который люди обычно называют бессознательным состоянием. Показать тебе кое-что?

В темноте Хёнсу увидел свою белеющую руку. Она хотела поднять девочку, а левая рука, свирепая и ужасно сильная, как акула, потеряв над собой контроль, зажала ребёнку рот. Девочка начала извиваться и через некоторое время затихла. Голова свесилась набок, ноги и руки обвисли.

Хёнсу покачал головой и захныкал как ребёнок. Это не моя рука.

Голос спросил: «Тебе показать ещё?»

Он увидел себя, идущего в тумане и несущего тело девочки. На краю понтонного моста у башни он увидел падающее в озеро тело. Под мостом из глубины озера он услышал шёпот: «Папа!»

Сынхван остановил подъём на том месте, где вода стала теплее. Он возвращался не по леске и не знал, где в точности находится. С того места, где стоял особняк, он поднимался прямо вверх, поэтому определить глубину было также трудно. Он интуитивно понял, когда стало необходимо немного сдуть воздух в жилете, и посмотрел на часы. 22:50. Счётчик на баллоне показывал, что кислорода осталось только на семь минут. В вертикальном положении Сынхван расслабился и закрыл глаза. Он решил оставаться там до полного расхода воздуха.

²² Брейкинг бол – подача по самым неожиданным траекториям.

В воде звук распространяется в четыре раза быстрее, чем в атмосфере. Именно по этой причине обычно трудно определить, откуда он исходит. За исключением тех случаев, когда совершенно точно ясен источник звука. Например, звук тормозов или сирена пожарной машины.

Тот звук, который услышал Сынхван, относился именно к такой категории. Он раздался пять минут спустя после того, как он начал сдувать воздух. Он был негромким и мягким. Звук послышался только один раз, но Сынхван моментально напрягся. Он знал этот звук. Он может возникнуть только в трёх случаях.

Кто-то начал погружение, кто-то бросил в воду мёртвое тело, или кто-то кинул какой-то предмет.

Доказательством его предположения служило то, что далее никаких звуков не последовало. Если бы в воду упало живое существо, оно должно было бы барахтаться. Даже если кто-то решил покончить с собой, всё равно он совершал бы произвольные движения. И уж тем более это было бы так, если бы кого-то сбросили в воду.

Этот звук позволил ему сообразить, где примерно он находится. Звук с силой распространялся в толще воды, значит, предмет упал с довольно большой высоты. По крайней мере, превосходящей высоту понтонного моста. Сынхван был уверен, что это произошло у моста водонапорной башни. Только оттуда можно или самому прыгнуть в озеро, или сбросить в него что-либо – чьё-то тело, к примеру, или какой-нибудь мусор. Значит, он сам находился недалеко от башни, на глубине, где менялась температура.

Сынхван открыл глаза и посмотрел вверх. Подводный фонарь светил прямо над головой. В его луче он увидел какой-то предмет, который напоминал развевающийся парус. Интуиция подсказывала ему, что звук связан именно с этим предметом.

Сынхван, конечно, не думал, что он знает всё о происшествиях на воде. Но он также не считал себя совсем чайником в этих делах. Он был уверен, что у него есть нужные качества и навыки, которых требует вода. Но за несколько секунд его уверенность превратилась в замешательство. В голове было пусто, взгляд был направлен на это «что-то», падающее прямо на него. Чёрные волосы и бледное лицо, белая одежда, выпрямленные ноги, будто бьющие по воде. Это был человек. Это была девочка, которая падала вниз головой.

Наступил момент, когда его вытаращенные от страха глаза и глаза ребёнка встретились. Его дыхание стало беспорядочным. Взгляд ребёнка скользнул по его лицу, шее и ниже. Тонкая рука коснулась регулятора и поплыла дальше. Маленькая босая нога на секунду коснулась его плеча и устремилась вниз. Он вспомнил. Это была она.

Сынхван почувствовал, будто его тело затягивает в центр вихря. Мысли говорили только одно: спустись и проверь.

Он наклонил голову и оттолкнулся ластами. Он совсем забыл, что воздух почти закончился. Забыл и о регулировке плавучести. Не проверил, сколько осталось воздуха. Он спустился вниз в мутной воде. Вскоре он увидел что-то, похожее на чёрные водоросли. Это были волосы ребёнка. Опускавшаяся вниз головой девочка уже стояла прямо в воде. Значит, за несколько секунд её тело перевернулось, как стрелка часов, на сто восемьдесят градусов. Он протянул руку, схватил её за волосы и приподнял. Её маленькое лицо поравнялось с его лицом.

Да, это была Серён. Веки были чёрными, передних зубов не было. Это точно была Серён. Сынхвану стало плохо, казалось, мускулы начали плавиться. Волосы девочки выскользнули из обессиленных пальцев. Лицо Серён, как тающий лёд, растворилось в мутной воде. В его руке остался какой-то металлический предмет. Ему некогда было проверять, что это, – он начал задыхаться. Его резко ухудшившееся состояние не было связано с девочкой или сопротивлением регулятора. На самом деле он не мог вдохнуть, так как в баллоне закончился воздух.

Осознав это, он пришёл в себя. Теперь нужно было исправлять ситуацию. Он расстегнул и сбросил ремень с грузами, откинул голову назад и с регулятором во рту начал экстренное

всплытие. Ластами он увеличивал скорость и поднимался. Похоже, что он нырнул глубже, чем ожидал. Он еле добрался до поверхности, вдохнув несколько раз остатки воздуха из регулятора. Шёл тихий приятный дождик.

Он сменил регулятор на трубку и лёг на поверхность воды. Шея затвердела, зубы ужасно стучали, тело совсем замёрзло, но рука, державшая до этого волосы ребёнка, страшно горела. В голове царил сплошной хаос. Чем он занимался в воде и что он видел? Он включил фонарь и оглядывался вокруг. Из-за тумана ничего не было видно. Но по компасу он понял, что причал находится за его спиной.

Сынхван развернулся и поплыл. Быстро плыть он не мог. Было ощущение, будто он двигает не руками, а железными прутьями. Добравшись до понтонного моста, он посмотрел на часы. 23:15. Не верилось, что прошло всего около двух часов, как он вышел из дома. Казалось, больше двадцати.

Сынхван снял маску, ласты и утепляющий шлем и положил их в рюкзак. Он чувствовал, что что-то забыл взять, но не хотел оборачиваться. Он торопливо достал ключ, открыл замок и убрал цепь. Вышел с другой стороны, запер дверь и сразу покинул причал. Он шёл под дождем, вспоминая увиденное. Сынхван подумал, что надо заявить в полицию, но не смог. Вспомнив ту ужасную встречу с О Ёнчжэ, он сразу же представил страшную сцену. Он – подозреваемый номер один. Полиция обязательно спросит, чем он занимался ночью у запретного озера. Не сравнить с подозрением в изнасиловании. Если бы я не спустился проверить, если бы я сразу покинул озеро, закончив вовремя своё дело, если бы я не приходил к озеру или вообще не знал деревню Серён или не услышал слова Пака... Все эти «если бы» были полны сожаления. Ведь если бы он не видел, у него не было бы проблем. Чего не видел, того не было. По крайней мере, для тебя.

В лесу за домом было тихо. Окно Серён было закрыто. Занавески задёрнуты. В комнате темно. Сынхван вернулся домой через окно, как и уходил. Положив баллон на пол, он тихо вышел на веранду. У дома номер сто один стоял белый «БМВ», но в доме было темно. Сынхван начал приводить мысли в порядок.

«Труп девочки в озере, приоткрытое до этого окно уже закрыто. Машина отца ребёнка стоит перед домом, а в доме темно и тихо».

Когда он проанализировал ситуацию, он подумал, что её можно описать одним предложением.

«О Ёнчжэ избил свою дочь и убил, после чего сбросил её в озеро».

Сынхван пошёл в гостиную и рухнул на диван. У него не было никакого желания заявлять в полицию. Ребёнок уже умер. Даже заяви он, девочку не воскресить. Если не случится ничего экстраординарного, тело всплывёт через несколько дней. Полиция должна сама найти преступника. Всеми этими сложными делами должны заниматься специалисты, а ему надо просто поспать. Однако что-то продолжало его беспокоить. Он никак не мог понять что.

Сынхван вошёл в комнату и взял мобильник. Вдруг в телефоне он сможет найти то, что его беспокоило. Там были два пропущенных звонка. Номер был незнакомым. Звонки поступили в 21:03 и 22:30. Он подумал, что это, наверно, телефон нового начальника, но не стал проверять. Ничего не хотелось делать. Тем более что мышцы рук болели, спину зажало. В доме было жарко, но он всё равно озяб.

Сынхван набрал тёплую ванну и снял гидрокостюм. Из кармана он достал компас. Вместе с компасом выпала заколка с хрустальной звёздочкой. Он на мгновение удивился и не понял, откуда она взялась. Потом вспомнил распущенные волосы, которые он держал рукой. Да, это была заколка Серён. Скорее всего, он не обратил на неё внимание и непроизвольно положил в свой карман.

Он лёг в ванну. Мускулы стали потихоньку расслабляться, голова начала работать. Он думал, куда может уплыть тело Серён. Если оно поплывёт по течению в сторону дамбы, то

застрянет на сетке, задерживающей мусор, а если оно спустится по подводному проходу к башне, то...

У дамбы Серён подводные трубы находились не у водных ворот, а под стеной у водонапорной башни. Он сам не видел, но слышал, что диаметр трубы превышает сто пятьдесят сантиметров. Можно себе представить, какое сильное будет течение на рассвете, когда откроют трубу.

Сыныхван скользнул под воду, погрузив лицо. Откуда-то изнутри зазвучал голос. Ты ничего не видел.

Он не смог до конца понять, что же так его беспокоило.

Телефон мужа был выключен. С того момента, как она звонила ему через Кима Хёнтхэ. Похоже, обиделся. Тридцатисемилетний мужчина ведёт себя как маленький мальчик в период полового созревания. Она опять набрала с телефона Кима Хёнтхэ.

«Он сказал, что направляется к озеру Серёнхо», – ответил Ким Хёнтхэ.

Она сказала произвольно: «Тогда вам надо было сообщить мне».

«А чего вы так переживаете? Похитить Чхве Хёнсу может только одна смерть».

Это была шутка, но лишь отчасти. Так в мягкой форме он выразил своё раздражение. Ёнчжу словно и не слышала этой шутки.

«Вы точно не вместе?»

Раздался вздох, и спустя некоторое время он ответил:

«Ну, хватит вам. Вы лучше приезжайте сюда. Сами убедитесь и выпьете вместе со мной».

Муж не отвечал на звонки, только когда выпивал. В таких случаях он бесследно исчезал. Она ненавидела это больше всего. Её крики и ворчание были бессильны перед этой врождённой привычкой.

«Ну, раз вы говорите, что его там нет. Значит, нет».

Ёнчжу положила трубку. Чтобы унять гнев, она закрыла и снова открыла глаза. Правда ли, что он поехал к озеру Серёнхо? А может, в пивную? Теперь ей некуда было звонить, чтобы узнать, потому что с тех пор как он начал работать, у него был только один друг – Ким Хёнтхэ. А все друзья-спортсмены были разбросаны по стране. Она подумала: а вдруг он приехал домой – и позвонила туда. Трубку взял Совон.

«Папа ещё не вернулся? И не звонил?»

Она закрыла мобильник и вошла в дом. Поднялась на лифте, вышла на девятнадцатом этаже и остановилась перед синей железной дверью. 1901. Посмотрев на номер, она ненадолго забыла про мужа, и её гнев тоже моментально исчез. Перед ней было нечто более дорогое сердцу, чем муж.

В первый раз оказавшись здесь, она сразу поняла, что это её квартира. «Это мой дом». Но сегодня она впервые приехала сюда в качестве хозяйки. Предыдущие жильцы съехали после обеда. А завтра с утра въедут новые постояльцы. Лишь несколько часов сегодняшнего вечера эта квартира принадлежит ей одной.

Из кармана джинсов Ёнчжу достала клочок сложенной бумаги: 2656940. Это код от домашнего замка. Кончиком пальца она набирала цифры на электронном ключе и в конце нажала звёздочку. Замок запищал и открылся. Как только она вошла в квартиру, включился сенсорный свет. Она стояла как артист, который вышел к публике на бис, и осматривалась вокруг, пока свет не погас. Между внешней и стеклянной дверьми была небольшая прихожая. Она очень подходила для хранения велосипеда Совона. Будет ещё лучше, если поставить туда горшок с фикусом.

Ёнчжу открыла стеклянную дверь в гостиную. Шаря рукой на стене у входа, она нашла выключатель и зажгла свет. На полу были следы от обуви, поэтому она тоже не стала снимать туфли, а просто прошла дальше. Рядом была ванная комната. Пол, устланный плиткой

цвета лаванды, и ванна с душем. Душ был отгорожен стеклянной перегородкой. Ванная была высокого качества, она соответствовала запросам представителей среднего класса Республики Корея XXI века. Комнату у прихожей она решила отдать Совону, чтобы он мог там заниматься. Между совмещёнными гостиной и верандой были огромные окна в пол, из них открывался прекрасный вид. Гостиная была просторной и чистой.

Ынчжу, не торопясь, осматривала каждый уголок. Спальню, пристроенную к ней ванную, вход на веранду. Кухню, на которой была встроенная мебель с посудомойкой... Она была довольна «своей квартирой». Эмоции переполняли её. Они компенсировали усталость от долгой дороги: она добиралась сюда на метро и автобусе почти два часа. Прежние хозяева оставили квартиру в довольно аккуратном состоянии: окна закрыты, все лампы выключены.

Ынчжу оставила свою сумку на столе и вышла на веранду. Под окнами далеко внизу была детская площадка, освещённая фонарем. Там были горки, разные качели, перекладины и песочница. Естественно, в такое время там не было ни одного ребёнка. Песочница, где дети наверняка играли днём, выглядела очень одиноко. Она напонила Ынчжу бедный квартал на возвышенности в районе Пончхондон. И ей вспомнились качели на площадке, на которых она могла качаться только после захода солнца.

Ынчжу росла ребёнком, привыкшим к тёмной вечерней площадке. Для неё вообще были привычны именно те места, где не было детей. На спине она носила младшего брата и качалась с ним в темноте на качелях. Такое занятие было для восьмилетней Ынчжу обычным делом. Двухлетний Кичжу тянул её за волосы своей маленькой ручонкой. А пятилетняя младшая сестра Ёнчжу играла одна под фонарём в дочки-матери. В это одинокое, тоскливое время Ынчжу в душе молила Бога, чтобы время бежало вприпрыжку, чтобы она быстрее повзрослела, чтобы она скорее убежала из этого ужасного дома. Если место, где они жили, можно было назвать домом. Они обитали в утилизированном автобусе, внутри которого стояло несколько столов и мама продавала выпивку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.